

Георгий Владиславович Черкасов

Аналитическая философия как интерактивный вид: руководство пользования (осторожно, может не работать)¹

Аннотация. Я предлагаю рассматривать аналитическую (АФ) и континентальную (КФ) философию как социальные классифицирующие категории, которые влияют на социальные практики (идентификацию, институциональные решения, формирование академических норм). Эти социальные практики, в свою очередь, изменяют нашу классификацию. К таким изменениям относится размывание жёсткой границы между АФ и КФ, эпистемическая деколонизация и расширение тематического поля АФ. Далее я утверждаю, что вместо традиционного концептуального анализа АФ в рамках стандартной дискуссии (об определении, историческом влиянии и преемственности, семейном сходстве) стоит перейти к концептуальной инженерии и амелиоративному проекту. Я предлагаю две модели. *Classification-first* модель предполагает, что вопрос «что такое АФ?» переопределяется как вопрос «для каких социальных задач мы используем понятие "АФ"». В рамках *metaphilosophy-first* модели АФ представляется не как фиксированный набор методов и нормативных ориентиров, а как дискуссия по поводу методов и ориентиров. В эмпирической части статьи я провожу мета-анализ существующих количественных исследований и прихожу к выводу, что (1) АФ чаще обращается к аргументации, чем КФ; (2) КФ не представляет собой более разрозненное явление, чем АФ; (3) подавляющая часть АФ делается без обращения к логике. В обзорной части статьи я классифицирую позиции стандартной дискуссии как дескриптивный эссенциализм, нормативный эссенциализм, историко-социологический дефляционизм и дефляционизм семейного сходства. Также я обсуждаю АФ-супрематизм, ревизионизм, АФ как нормальную науку, АФ в политических терминах, АФ как иллюзию, АФ как психоаналитический воображаемый образ.

¹ Выражаю благодарность Никите Чуракову за обсуждение и предложения. Они значительно повлияли на эту работу. Также благодарю двух рецензентов и редактора этого выпуска Артёма Юнусова.

Ключевые слова: аналитико-континентальный разрыв, метафилософия, концептуальная инженерия, эпистемическая деколонизация, эссенциализм, дефляционизм, семейное сходство.

Для цитирования: Черкасов, Г. В. (2025). Аналитическая философия как интерактивный вид: руководство пользования (осторожно, может не работать). *Analytica*, 10, 264–322.

Одной из особенностей путешествия к земле Востока являлось то, что, хотя в этом походе Орден ставил перед собой вполне определённые, весьма возвышенные цели (они лежат в области тайны и, следовательно, говорить о них нельзя), каждый отдельный участник мог и даже обязан был иметь личные цели, ибо того, кто их не лелеял, не брали, и каждый из нас, в целом разделяя общие идеалы, стремясь к достижению общих целей и сражаясь под общим знаменем, как самый источник силы и последнее утешение нёс в сердце свою собственную безрассудную детскую мечту.

(Г. Гессе, пер. Е. Шукшиной)

Введение

В дискуссии об аналитико-континентальном разрыве (АКР) есть две основные позиции: дефляционизм и эссенциализм. Я нахожу неудовлетворительными крайние версии обеих этих позиций. Я думаю, что аналитическая философия (АФ), — как и континентальная философия (КФ), — это социальная классифицирующая категория; возможно, социальный или интерактивный вид². Фрост-Арнольд (Frost-Arnold, 2017, 31) заметил, что на АФ можно смотреть как на интерактивный вид, используя термин Яна Хакинга (Hacking, 1999)³. Интерактивные виды —

² Здесь и дальше «АФ» для «аналитическая философия», а «аф» для «аналитический философ» или «аналитические философы». Аналогично с «КФ» и «кф».

³ Хотя в целом у меня есть опасения в отношении проекта Хакинга — «социологии формирования понятий», — эта линия рассуждений в некоторых случаях может быть плодотворной. Стереотипные примеры интерактивных видов, которые рассматривает Хакинг, — это такие классифицирующие категории, как жестокость по отношению к детям (child abuse), гомосексуальность (движение ЛГБТ признано

это понятия, которые характеризуются эффектом петли обратной связи: когда появляется подобное классифицирующее понятие, люди, попадающие под это понятие, а также те, кто с ними взаимодействуют, начинают вести себя иначе. Когда люди ведут себя иначе, сама эта классифицирующая категория тоже меняется.

Я попытаюсь показать, что мы должны, с одной стороны, рассматривать АФ как предмет социальной онтологии, а с другой — как случай концептуальной инженерии. Правда в том, что это использующееся для социальной классификации понятие влияет на большое количество наших институциональных и социальных практик. А наши поступки в рамках этих практик, в свою очередь, меняют основание этой классификации.

Мой проект также можно назвать амелиоративным: меня интересует не только то, как понятие АФ используется, но и то, какие функции оно *должно* выполнять. Салли Хаслангер предлагает амелиоративный подход для обсуждения понятий расы и гендера и противопоставляет его концептуальному и дескриптивному подходу (Haslanger, 2012, 367). Это означает, что кроме вопроса «что такое АФ?» стоит задавать вопросы «почему вообще есть понятие АФ?», «зачем нам его использовать?» Эти вопросы важны, поскольку АФ как классифицирующая категория играет роль в определении того, что мы считаем эпистемически авторитетным, а также в том, какие академические нормы мы принимаем; от нас зависит, какие практики и какие группы оно будет описывать и поддерживать. Подходящая концептуальная инженерия должна поднимать не только вопросы об институциональной политике, но и более глубокие вопросы об эпистемической несправедливости.

В этой статье три сюжета. Первый — моя попытка представить АФ как социальную классифицирующую категорию с акцентом на том, как эта категория меняется (разделы 1, 5). Второй сюжет — разбор трёх эмпирических кейсов, нужных для некоторых размышлений (раздел 2). Третий — обзор и критика метафилософской дискуссии (разделы 0, 3, 4).

§ 0. Шляповедческая дискуссия

Попадая на философский факультет или входя в круги интересующихся философией, вы оказываетесь перед распределяющей шляпой. Она выбирает, каких авторов вам читать. Вы шепчете: «только не

экстремистским и запрещено на территории РФ), женщины-беженцы, множественная личность.

Деррида». Наконец, шляпа говорит: «Крикке», — и вы выдыхаете с облегчением. (Если вы в России, с наибольшей вероятностью всё будет наоборот.) По поводу того, как функционирует распределяющая шляпа, есть специальная шляповедческая дискуссия. Согласно первой точке зрения, распределяющая шляпа распознала ваши внутренние характеристики: тщательность, открытость, желание работать в команде и говорить ясно. Именно поэтому вы попали на факультет читателей Крикке. На факультет читателей Деррида берут тех, кто обладает другими характеристиками: таинственностью, оригинальностью и желанием шокировать. Согласно второй точке зрения в шляповедческой дискуссии, выбор происходит случайно, поскольку у студентов вашего факультета нет объединяющих характеристик (как и у студентов второго). Объединяющие характеристики могут и появиться, но только вследствие того, с кем вы будете проводить время; к тому же в действительности не все студенты вашего факультета ими будут обладать.

Теперь полностью выйдем из пространства миллениальной метафоры и посмотрим на дискуссию об АКР внимательнее. Представители первой точки зрения — назовём их эссенциалистами — не хотят отказаться от притягательной привычки связывать с АФ определённые содержательные характеристики; даже если не в духе определения, то в духе «узнаю, когда увижу» (*I know it when I see it*). Представители второй точки зрения — дефляционисты — указывают, что определения работают плохо и на АФ лучше смотреть через «влияние», «историческую преемственность», цитируемость, институциональность и социальные практики. В итоге дискуссия сосредотачивается на двух вопросах: «можно ли определить» и «что такое историческое влияние». Ниже я приведу классификацию позиций вокруг АКР⁴.

⁴ Перечисленные позиции до некоторой степени — чистые типы и идеализация; они часто присутствуют в смешанном виде в рамках одного текста одного автора. Таким образом, скорее на это нужно смотреть как на полученные в результате специфической препарации тезисы; выделенные позиции — лишь то, на что те или иные авторы делают чуть более ясный акцент и что они считают чуть более важным. Часто у одного автора можно встретить примерно такое противоречивое рассуждение:

АФ классически характеризуется так-то и так-то. Вот почему одни из этих характеристик устаревшие, а другие — хорошие с уточнениями. Но на самом деле АФ — это просто историческая преемственность, нет объединяющих характеристик. Но вот почему нужна именно такая-то преемственность, включающая Мура/Фреге. Но для АФ характерно... Но при этом сегодня АФ настолько разнообразна, что для неё ничего не характерно. Но характерность мейнстрима современной АФ в том, что...

1а. *Дескриптивные эссенциалисты* (Dummett, 1993; Шрамко, 2007; Васильев, 2019; Фролов, 2025) считают, что АФ можно дать определение: необходимые и достаточные условия, обычно через сочетание (i) доктринальных, (ii) методологических и (iii) стилистических характеристик.

1б. *Нормативные эссенциалисты* (Юнусов, 2025; Soames, 2003; Beaney, 2013, 34–25; Макеева, 2019) принимают менее теоретически нагруженную точку зрения: об АФ стоит говорить не в терминах определения, а в терминах того, что АФ берут обязательство придерживаться таких-то идеалов.

1с. Отдельными эссенциалистскими взглядами является *АФ-супрематизм* (Stevens, 2013; Васильев, 2019), Д. В. Иванов⁵; *ревизионизм* (Шохин, 2015; Шохин, 2018; Hacker, 2013); *реакционный пессимизм*, представление о золотом веке (Никифоров, 2020; Hacker, 2013), В. В. Целищев⁶.

2а. *Историко-социологические дефляционисты* (Логинов 2025; Preston, 2004; Overgaard, Gilbert & Burwood, 2013; Blattner, 2023) говорят, что принадлежность к АФ определяется только сетью исторического влияния (преемственности) и участием в практиках определённых социальных институтов.

2б. *Дефляционисты семейного сходства* (Glock, 2008; Glock, 2013; Levy, 2003, 285; Leiter, 2004; Huang, 2022, 2) добавляют, что кроме исторического влияния (преемственности) АФ объединяет семейное сходство черт.

2с. Отдельными дефляционистскими тезисами являются: социологическое представление об АФ как о нормальной науке (Levy, 2003; Petrovich, 2024, 46–49) или социально-профессиональной сущности (Petrovich, 2024, 40–41; Нехаев, 2025), или иллюзии (Preston, 2007); *имаджинизм* — трактовка АФ в психоаналитических терминах как некоторого воображаемого конструкта, психологической картинки, которая направляет наши действия (Morag, 2023); *«за–пределами–разрыва» философия* (Маслов, 2025); АФ в политических терминах (Preston, 2007; Schuringa, 2025); *портианство*.

Отсутствие консенсуса и окончательных решений обычно не исключение, а правило философских дискуссий. Но в данном случае я думаю, что эта дискуссия проваливается, поскольку из-за близорукости

⁵ Доклад на круглом столе «Что такое аналитическая философия?», институт философии РАН, Москва, 23 января 2025: <https://www.youtube.com/watch?v=qCgCdNEfbjA>

⁶ Доклад «Назад к "Назад к Расселу!"» на конференции «Аналитическая философия» в Новосибирске, 21 февраля 2025: <https://rutube.ru/video/c55a4f4f2110cd6f9a5d71d0a38768b7/?playlist=1274222>

мы часто упускаем то, с чем имеем дело. Основной спор просто не касается важных вопросов.

§ 1. Меняющаяся социальная классификация

АФ — это социальная классифицирующая категория, которая нужна для социальных задач⁷. Сегодня мы классифицируем определённых людей как АФ или КФ с другими целями, чем раньше. Но, как и раньше, эта классификация имеет беспрецедентное влияние, аналогичные примеры которому сложно найти в академии. Социальные задачи, которые выполняет классификация АКР, могут представлять что-то вроде следующего.

- (1) идентификация среди сообществ;
- (2) принятие институциональных решений (приём на работу, гранты, распределение курсов);
- (3) выбор академической траектории и научных интересов;
- (4) сокращение временных (и когнитивных) затрат на оценку релевантности текстов и тезисов: являются ли они чушью (см.: Levy, 2024);
- (5) выбор коммуникативных и аргументативных стратегий в дискуссии;
- (6) формирование академических норм (что считается нормальной философией);
- (7) междисциплинарное взаимодействие.

Какое количество решений продиктовано тем, классифицируем ли мы человека как АФ или кф? Наверное, сотни тысяч. С кем сесть за стол в кофейне, с кем выстраивать нетворкинг (1); кого принимать на работу, кому выделять грант (2); какие темы выбирать для исследований, на какой факультет идти учиться, в какую страну переезжать работать (3); какие статьи и доклады отклонять (4); как формулировать реплику в дискуссии и вопрос после доклада, как выбрать наиболее эффективный тип аргументации против оппонента (5); как устроено рецензирование, какие форматы исследований легитимны, как оценивать работы студентов (6), с какими учёными сотрудничать философам и с какими философами — ученым (7).

⁷ Вероятно, эссенциалисты и дефляционисты вполне согласны с тем, что термин «АФ» используется для этих целей. Но первые полагают, что АФ — это прежде всего способ делать философию (методы, нормативные идеалы, стилистические требования), а вторые — что это в первую очередь наименование для цепи отношений влияния одних философов на других. Я, напротив, думаю, что способ делать философию, и отношения исторического влияния одних философов на других фундируются именно более мелкими социальными задачами, для которых используется эта классифицирующая категория.

Ниже я рассмотрю несколько изменений категории АФ. (1.1) касается периода широкого употребления *наименований* «АФ» и «КФ» в 1950–1970-е годы, а (1.2)–(1.4) затрагивает период с 1970–1980-х годов по наши дни.

(1.1) Начало широкого употребления терминов «АФ» и «КФ»;

(1.2) Отсутствие непроницаемости между АФ и КФ («философ, имеющий аналитическую подготовку», АФ/КФ-методы и АФ/КФ-предмет);

(1.3) Эпистемическая деколонизация, языковая и эпистемическая несправедливость;

(1.4) Многообразие тем.

§ 1.1. Начало широкого употребления терминов «АФ» и «КФ»

Термин «АФ» активно использовался с 1950-х годов, а термин «КФ» начал входить в широкое употребление только в 1970-е годы (Frost-Arnold, 2017, 54–55; Critchley, 2001). Однако эти наименования закрепили определённого рода классификации, которые были и раньше. Можно и в первой половине XX века фиксировать столкновения того, что мы ретроспективно называем «АФ» и «КФ» (Логинов, 2025b). Отсутствие именованности не означает отсутствие вещи, не означает оно и отсутствие социальной классификации (хотя отсутствие вообще каких-либо попыток фиксировать классификацию в языке, конечно, говорило бы о том, что такой классификации нет). У того, что мы сейчас называем «АФ», были относительные (с не самой высокой степенью эквивалентности) синонимы вроде «научной философии», «логического позитивизма» и т. д. То есть факт АКР, который мы ретроспективно воспринимаем именно как факт АКР, мог быть представлен в иных терминах. «Реалисты» Мур и Рассел против идеалистов, Рудольф Карнап против «метафизиков», трансценденталистов или кантианцев. Но это может говорить о том, что наличие такого списка в прошлом стало основанием для введения более ясной и более общей классификации в будущем. В начале 1980-х появились первые бакалаврские и магистерские программы с наименованием «КФ» (Critchley, 2001, 38). По-видимому, ещё чаще КФ начинают открыто идентифицировать себя как КФ после 2000-х годов. Как указывает (Critchley, 2001), требование к подобному самоописанию вызвано процессом профессионализации философии в целом, где самоидентификация нужна для отбора вакансий и академического взаимодействия. Термин «КФ» в этом процессе постепенно вытеснил подобные же собирательные наименования вроде «Phenomenology» или «Phenomenology and Existential Philosophy».

§ 1.2. Отсутствие непроницаемости между АФ и КФ

Сегодня в международной и англоязычной среде граница между АФ и КФ гораздо менее жёсткая, чем в 1970–1980-е. В духе КФ-предмета с помощью АФ-методов написаны книги «Сартр и аналитическая философия» (Morag, 2023), «Хайдеггер и противоречие бытия: аналитическая интерпретация позднего Хайдеггера» (Casati, 2021). Метаонтология как исследование квантификации и онтологических обязательств существует практически исключительно в контексте АФ; но даже здесь нельзя обнаружить полной безучастности КФ. Крис МакДэниэл (McDaniel, 2009) защищает эквивокальный подход к существованию, опираясь на Хайдеггера. Это можно объяснить только так: МакДэниэл, *философ, имеющий аналитическую подготовку*, проводит очень техническое сопоставление позиций Хайдеггера и Сайдера⁸.

Обычно подразумевают, что такая трансформация является проблемой для эссенциализма. Но она также не беспроблема и для дефляциониста, утверждающего, что АФ — это сеть преемственности/влияния или просто набор людей, которые друг на друга ссылаются. Если принимать точку зрения дефляциониста, то сложно определить, как именно проводить классификацию в этой ситуации. Стоит ли отдавать приоритет образованию, методам или цитированию? Проблема возникает из-за того, что АФ теперь трудно рассматривать через понятие исторического влияния.

§ 1.3. Эпистемическая деколонизация, языковая и эпистемическая несправедливость

Обсуждение характерных черт АФ, философских методов и стилей работы едва ли позволяет осмыслить то влияние, которое производит АФ как классифицирующая категория. Есть темы, в которых особенно важна мелиоративная работа. К ним относятся проблемы языковой политики, эпистемической справедливости и деколонизации знания. Мелиоративный проект предполагает, что вместе с вопросом о том, как меняется категория АФ, мы должны спрашивать о том, какие функции АФ должна выполнять и какой мы хотели бы видеть АФ в будущем.

⁸ Брайан Лейтер также обращается к упомянутой категории «аналитическая подготовка»: «но для тех, кто хочет построить исследовательскую карьеру в философии, нет ничего лучше, чем получить подготовку в аналитической философии, даже если в итоге вы планируете заниматься Гегелем, Марксом или Ницше» (Leiter, 2025). Также см. (Leiter, 2004, 16–17).

Понятие АФ вряд ли само по себе предполагает исключительность — языковую, культурную, национальную, региональную или гендерную. Напротив, (я надеюсь) большинство принадлежащих к этому лагерю философов хотят воспринимать АФ как универсальный проект. В это же время наши практики подрывают его универсальность. Особенно хорошо это видно в данных, которые приводит Эуженио Петрович в книге «Количественный портрет аналитической философии» (Petrovich, 2024). 93% самых цитируемых текстов приходится на философов из институций США, Великобритании, Австралии и Канады (Petrovich, 2024, 68). Такой же эффект можно наблюдать, если попытаться выяснить, кто упоминается в благодарностях в книгах или, обобщая, с кем именно философы стремятся вступать в интеллектуальное взаимодействие. Это, на мой взгляд, пример плохой эпистемической стратегии, в которой мы закрываем глаза на интеллектуальные достижения, которые могли бы способствовать философскому прогрессу.

Есть разнообразные сообщества АФ: в Китае (Yi & Bai, 2010), России, Африке, Латинской Америке и других регионах. Самый безболезненный пример выхода АФ за пределы англоязычного пространства — это АФ в Германии. Но даже этот регион не всегда на виду при общем обсуждении АФ. Показательно, как в некоторых работах, которые претендуют на описание АФ в целом, совершенно упускаются видные традиции АФ за пределами англоязычного пространства. Например, в книге «Социальная история аналитической философии» (Schuringa, 2025) в тени остаются не только Китай, Россия и Латинская Америка, но и все не-англоязычные европейские страны.

В связи с локализацией встаёт вопрос о языковом разнообразии и лингвистической несправедливости. (Rodriguez-Pereyra, 2013) утверждает, что АФ должны писать исключительно на английском, поскольку работы по АФ на других языках не имеют или почти не имеют ценности⁹. Есть и те, кто защищает языковое многообразие АФ как из практических, так и из теоретических соображений (Pérez, 2018; Glock, 2018). Важную для русскоязычного контекста мысль передаёт (Huang, 2022), обсуждая АФ на китайском языке. Хуан утверждает, что хорошая статья в АФ выполняет две функции: работа с аудиторией (audience-service) и производство знания (knowledge-service). Он замечает, что в АФ на китайском языке публикуются два вида статей. Первый — оригинальные/критические. Второй — обзорные. Далее

⁹ Я полагаю, что любое общество и сообщество, в котором недостаточно развит *lingua franca*, следует интенсивно толкать в сторону развития *lingua franca*. Не стоит ожидать, что весь мир вдруг заговорит на русском, как в утопическом проекте Вадима Васильева (Васильев, 2019, 155), или на китайском, или на испанском. Тем не менее требование писать только по-английски абсурдно.

Хуан утверждает, что философия на китайском языке попадает в ловушку. Оригинальные/критические статьи выполняют функцию производства знания, но не выполняют функцию работы с аудиторией. Идеальная аудитория таких статей — это те авторы, на которых статья ссылается; обычно это англоязычные авторы, которые в принципе не могут прочитать эти тексты. Обзорные статьи выполняют функцию работы с аудиторией, но не выполняют функцию производства знания: как правило, в них защищается (если вообще защищается) слишком слабый и вторичный тезис, который не привносит ничего важного для дискуссии. И любой или любая, кто находится в неанглоязычных институциях, хорошо знает трагичность этой ситуации. Таким образом, часть сообществ, которые имеют полное право считать себя аф, вытесняются на периферию.

Рассуждения в старых терминах плохо помогают осмыслить вопрос о языковом и региональном разнообразии АФ. Я имею в виду слабую форму тезиса лингвистической относительности, а также вопрос о том, насколько философия выражает мировоззрение или зависит от культуры. Скорее проблему нужно рассматривать в терминах эпистемической несправедливости и деколонизации знания. Эпистемическая деколонизация может быть мотивирована не только моральными, но и эпистемическими основаниями. Абрахам Тоби предлагает именно такое эпистемическое обоснование (Tobi, 2020, 261–262). Приведу его аргумент¹⁰.

(П1) Эпистемическая колонизация включает некоторые формы эпистемической несправедливости.

(П2) Любая практика, сопряжённая с эпистемической несправедливостью, несовместима с добросовестным стремлением к знанию.

¹⁰ Под эпистемической несправедливостью (Fricker, 2007) может пониматься исключение человека или группы людей из «уравнения в познании»: недоверие к их свидетельствам (тестимониальная несправедливость), пренебрежение их собственным опытом или нежелание его принимать (герменевтическая несправедливость). Можно представить, что (П2) является слишком сильной, ведь вероятно, что некоторые институции (университеты, исследовательские центры) и группы людей наделяются привилегированным статусом в распределении познавательного авторитета. Тем не менее получение привилегированного статуса должно быть справедливым: должно исключать, например, притеснение по политическим, расовым, гендерным основаниям. (П3) также требует прояснения: могут ли эпистемические основания предполагать несправедливость? Может ли устранение недобросовестных познавательных практик само происходить несправедливым образом? Эти вопросы поднимают корневую проблему о столкновении эпистемических и моральных оснований. Однако для текущих целей можно принять и менее сильные тезисы, заменив в (П2) и (П3) квантор «любой» на «некоторый». Благодарю Ольгу Козыреву за эти вопросы.

(ПЗ) Любая практика, несовместимая с добросовестным стремлением к знанию, должна быть устранена по эпистемическим основаниям.

(З) Следовательно, эпистемическая колонизация должна быть устранена по эпистемическим основаниям.

Таким образом, деколонизация знания — не только моральное, но и эпистемическое требование: если мы хотим наиболее надёжных познавательных результатов, мы не можем способствовать тому, чтобы целые группы эпистемических агентов и их традиции систематически выпадали из поля зрения. Чтобы применить эту мысль к языковой политике АФ и тезису (Rodriguez-Pereyra, 2013), можно добавить следующую посылку.

(П0) Норма, согласно которой только англоязычные тексты считаются эпистемически ценными, является частным случаем эпистемической колонизации.

Посылка (П0) отрицает именно сильную позицию: англоязычный монолингвизм + невидимость локальных традиций. Само по себе требование писать на *lingua franca* может быть эпистемически оправданным. Оно делает тексты китайских философов доступными, например, для философов в России и Латинской Америке. Проблема монолингвальной практики скорее заключается в том, что *lingua franca* становится единственным способом признания эпистемического вклада: публикации на других языках обесцениваются и не учитываются в институциональных решениях.

Наконец, остановлюсь подробнее на положении АФ в Африке. Как минимум с 1970-х годов некоторые африканские философы пытаются инкорпорировать АФ в свои культуры и воспринимать АФ не как внешнюю колониальную силу, а как дополнение к существующим практикам. В книге «Знание, убеждение и колдовство: аналитические эксперименты в африканской философии» (Hallen & Sodipo, 1986) её авторы анализируют язык народностей Йоруба, опираясь на куайновские посылки о холистичности убеждений и неопределённости перевода. (Сам Куайн также внёс коррективы в проект и написал короткое предисловие к американскому изданию.)

Цель была вполне ортодоксальной: применить техники, заимствованные у мейнстримной лингвистической философии, к незападному языку.

... Почему этого не произошло раньше? Почему академической философии понадобилось так много времени, чтобы напрямую заняться когнитивными системами незападных культур? Если объяснение в том, что культурам тропической Африки был приписан столь низкий ранг на межкультурной шкале рациональности и философам они не казались достойными серьёзного интереса, то наша реакция такова: по меньшей мере сами философы должны были бы поставить под сомнение и проверить это ошибочное обобщение. (Hallen & Sodipo, 1986, xv)

Авторы отделяют этот проект от этнофилософии и типичных методов кросскультурной и социальной антропологии. (Школами социальной антропологии авторы также называют марксизм, неоинтеллектуализм и структурализм (Hallen & Sodipo, 1986, 38).) Методологии этнофилософии, например, предполагает рассмотрение философии народов, а не индивидуальностей, кроме того акцентирует внимание на неизменном прошлом, традиционных убеждениях и практиках (Hallen & Sodipo, 1986, 132). Социальная антропология рассматривает философию в Африке через слово «традиционный», пейоратив для «примитивный», от которого авторы, конечно, хотят откреститься (Hallen & Sodipo, 1986, 6). В антропологическом подходе подразумевается, что традиционные убеждения — это не пропозиции, направленные на выражение истин о мире, а символические способы выражения некоторых установок, имеющих социальное и практическое значение (Hallen & Sodipo, 1986, 3).

Одна из центральных линий книги Халлена и Содипо посвящена рассмотрению интуиций, связанных со словами *mó* (знать, *know*) и *gbàgbó* (иметь убеждение, верить, *believe*). Стандартная антропологическая литература часто представляет знание в традиционных обществах как то, что передаётся устной традицией и принимается за нечто авторитетное. Авторы указывают, что в культуре Йоруба устная традиция, или «то, что мы соглашаемся принимать», — *gbàgbó* — это знание из вторых рук, а *mó* — это знание от первого лица, преимущественно сенсорное свидетельство, воспринимаемое как знание-знакомство. В этой картине, в отличие от англоязычных интуиций, такое знание-знакомство является необходимым условием пропозиционального знания, знания-что.

По следам проекта (Hallen & Sodipo, 1986) Кваси Виреду (Wiredu, 1992; Wiredu, 2002) также выдвигает тезис о большом значении африканских языков для африканской философии. Он выделяет слова,

выражающие категории вроде «реальность, истина, сознание, справедливость», которые понимаются этнической группой Аканов (составляющих большинство населения Ганы) иначе, чем западными англоязычными людьми.

Причём как тезис лингвистической относительности, так и разного рода релятивизм может не играть первостепенной роли в обсуждении этого вопроса. Эпистемическая деколонизация только проигрывает от принятия (метафизического, концептуального, эпистемического) релятивизма (Mitova, 2021). Вместо того, чтобы признавать, что все взгляды имеют равный эпистемический авторитет, мы можем требовать скорее *равного отношения* к взглядам в борьбе за наибольший эпистемический авторитет. Таким образом, мы не должны считать, что всё, что называется «АФ», одинаково хорошо, но должны быть более открытыми к большому региональному, языковому и институциональному разнообразию.

§ 1.4. Многообразие тем

Поскольку дискуссия об АКР чаще всего фокусируется на различиях АФ и КФ в центральных областях философии, многие различия остаются в тени, хотя их рассмотрение может оказаться даже более показательным.

Под «философией кино» (philosophy of film) чаще подразумевается АФ, а под «теорией кино» (film theory) или «исследованиями кино» (film studies) — КФ. Во введении к сборнику «Теория кино и философия» (Allen & Smith, 1997) его редакторы описывают, как в 1970–1980-е годы исследования кино были захвачены КФ. Атака происходила с двух флангов: первый — Гегель, Сартр и Лакан, второй — Гуссерль, Деррида, Кристева. Таким образом родилась стихийная психо-семиотическая теория «позиции субъекта» (Allen & Smith, 1997, 9–10). Далее атакующих подхватывает многочисленный хор: Фуко, Адорно, Делёз, Бодрийяр. Этот хор поёт символ веры теоретиков кино, который состоит из трёх обязательств. Первые два касаются задач философии: мы должны (а) критиковать эпистемологию, демонстрировать, что у наших убеждений не может быть объективного обоснования; (b) критиковать современность/модерн, научность, капитализм. Третье касается роли кино: мы должны (с) воспринимать кино как теоретизирующего художника или как модель сознания, или как социальный аппарат, или как что-то подобное, дарующее нам концепции, теории, понятия и аналогии.

Похожим образом АКР проявляется и в философии музыки. Есть множество дисциплин, изучающих музыку. Они включают стандартные академические области: теория музыки, музыкальный анализ, история, музыковедение и этномузыкология; натурализованные дисциплины: психология, биология (*biomusicology*), нейробиология; формальные дисциплины: математика (часто теория множеств) и *computer science*. КФ в музыке аналогична КФ в литературе (*literary cultural studies*) и обращается к таким методам или методологическим позициям, как критическая теория, психоанализ, семиотика, гендерные и квир-исследования, феминизм, герменевтика, феноменология (Epstein, 2014, xix). Эта тенденция ассоциируется с «новым музыковедением» (*new musicology*), распространившимся с 1980-х годов. К этому можно добавить немецкие традиции социологии музыки (Адорно, Блох).

Все эти дисциплины, изучающие музыку, — традиционные академические, исторические, натурализованные, формальные, социальные и культурные — конечно, представляют собой континуум. И в этом поле АФ не может полностью отделяться от эстетики и культурных исследований. Тем не менее АФ музыки, такие как Стивен Дэвис, Питер Киви и Эндрю Кания, выделяются тем, что фокусируются на достаточно ограниченном количестве вопросов; у сплава КФ с музыковедением отсутствует такой фокус. Центральная тема для АФ — объяснение того, почему музыка вызывает эмоциональные реакции. Также АФ сосредоточена на определениях музыки и на онтологии: дискуссии между номинализмом и платонизмом в вопросе о том, созданы ли музыкальные произведения, и о том, каким статусом обладает исполнение. Наконец, АФ касается вопросов о значении (в смысле философии языка), ценностях и оценке (наиболее близко к моральной философии).

Таким образом, АФ, занимающиеся подобными вопросами, действительно часто касаются только тех тем, в которых «методы АФ» наиболее эффективны. В это же время философию музыки, философию кино и другие дисциплины, связанные с эстетикой, сложно поместить в стерильный карантин АФ. Наконец, этот же эффект затрагивает аналитический феминизм.

Хотя сегодня мейнстримное философское образование многих феминистских философов по-прежнему часто сфокусировано на одном методе или традиции, без труда можно найти «аналитических феминисток (или феминистов)», которые не боятся обсуждать Бовуар, Фуко или Батлер. Справедливо утверждать, что благодаря общим политическим ценностям и стремлению разговаривать с

другими феминистками или феминистами они более мотивированы искать методологическое взаимное обогащение, чем многие нефеминистские философы (Garry, 2024).

Достаточно специфично-аналитические области — это онтология расы и онтология гендера. Здесь в явном виде используются инструменты метафизики, философии языка, эпистемологии и социальной онтологии. Назову только несколько понятий: фундирование, конструкционизм/реализм, значение, нормативная эпистемология, социальный вид. Аналитический подход к этим вопросам характеризуется постоянным натяжением между концептуальной строгостью и вниманием к естественным наукам, с одной стороны, и практическими/политическими целями — с другой. Но, несмотря на строгую и изощрённую методологию, обсуждение этих тем часто не может обходиться без обращения к релевантным работам КФ и более широкому контексту.

§ 2. Три статистических кейса

Некоторые критерии, приписываемые АФ, можно проверить количественными методами. Эти методы могут быть различны: анализ цитирования, опросы, количественный корпусный анализ и текст майнинг (интеллектуальный полуавтоматизированный анализ больших текстовых данных). В этом разделе я проведу метаанализ некоторых данных, чтобы рассмотреть три распространённых убеждения:

- (2.1) АФ более аргументативна;
- (2.2) КФ более гетерогенна, чем АФ;
- (2.3) логика играет ведущую роль в АФ.

Я попытаюсь показать, что (2.3) неверно, (2.2) скорее неверно, а (2.1) скорее верно, но различие не настолько существенное, и аргументативность как «метод» требует переосмысления.

§ 2.1. АФ более аргументативна

В рамках «народной» метафилософии мы считаем, что АФ более склонны к аргументативному стилю. То есть в их работах и

рассуждениях чаще представлена эксплицитная аргументация или изложение с имплицитной аргументативной основой¹¹.

В исследовании Мизрахи и Дикинсон (Mizrahi & Dickinson, 2021) не было выявлено значимой ($p > 0.05$) разницы между аналитическими и континентальными статьями в том, как часто там встречаются аргументы¹². Как в аналитических, так и в континентальных статьях чаще всего используется дедуктивная, реже индуктивная и ещё реже абдуктивная аргументация.

Оказалось, что методология этого исследования, по-видимому, ненадёжна. Хогенбирк (Hogenbirk, 2023) подверг его критике и пришёл к выводу, что АФ всё-таки более аргументативна¹³. Аналитические

¹¹ При этом мы можем оставить в стороне метафилософское разногласие между теми, кто защищает концептуальный анализ, кабинетную философию и предпочитает прописывать аргументы пунктами (Фрэнк Джексон, Дэвид Чалмерс), и теми, кто критикует концептуальный анализ, опирается на прямое сотрудничество с учёными (Дэниэл Деннет), а также теми, кто предлагает социологически выяснять, какие есть у людей интуиции (сторонники χ -phi). Речь о более общих вещах: о том, что рассуждения АФ в целом предполагают аргументацию чаще, чем рассуждения кф.

¹² Мизрахи и Дикинсон (Mizrahi & Dickinson, 2021) собрали данные статей из JSTOR ($n = 53,260$). Статьи были отобраны из 6 репрезентативных аналитических журналов (например *Philosophical Review*) и 6 континентальных (например *Research in Phenomenology*). Далее авторы предложили индикаторы, указывающие на то, что в статье использован аргумент (с посылками и заключением) того или иного типа. Это 36 пар дедуктивных индикаторов (например "*therefore necessarily*"), 36 индуктивных (например "*follows probably*"), и 36 абдуктивных (например "*infer best explanation for*").

¹³ Хогенбирк с изменённой методологией проанализировал меньшее количество статей. Это 232 статьи из аналитических журналов и 204 из континентальных 2016–2021-х годов, к которым он добавил для сравнения 2,588 статей по истории философии 1960–2021-х годов. Он заметил, что Мизрахи и Дикинсон (Mizrahi & Dickinson, 2021) просто проверяли, есть ли в той или иной статье хотя бы одно обращение к аргументации (хотя бы одно вхождение индикаторных пар, указывающих на аргумент). Но задача — понять, насколько больше или меньше АФ обращаются к аргументам, чем кф. Тогда разумно проверять не то, больше ли у АФ статей, где есть хотя бы один аргумент, а то, больше ли аргументов в статьях аф, учитывая, сколько аргументов появляется в каждой статье. Ведь явно *если* в большей части текстов КФ индикаторная пара, указывающая на аргументы, появляется 1 раз за статью, а в большей части текстов АФ — 20 раз, это существенно для определения, важнее ли для АФ обращаться к аргументам и чаще ли они это делают.

Кроме того, Хогенбирк решил проблему с нормализацией: что если окажется, что статьи АФ в среднем в два раза длиннее или короче, чем статьи кф? Тогда не следует брать за единицу исследования количество аргументов за статью; следует сравнивать статьи пропорционально. Например, в одной статье 1/500 индикаторов аргументов на количество слов, а в другой статье — 1/1000 аргументов/слов. Такая же проблема касается выяснения, насколько часто в статьях встречаются дедуктивные, индуктивные и абдуктивные аргументы. На каждый тип аргумента Мизрахи и Дикинсон (Mizrahi & Dickinson, 2021) предложили 36 индикаторных пар (то есть всего 108). Но если одна и та же, например индуктивная, пара в статье появлялась 30 раз, зато были 5 разных пар, но одного типа, например 5 разных дедуктивных пар, то в результате у них вышло, что в статье 1 раз обращались к индуктивной аргументации и 5 раз к дедуктивной.

статьи и историко-философские статьи содержат в среднем в 1.5 раза больше аргументных пар на количество слов.

Если доверять этой методологии и размеру корпусов, можно сделать несколько интересных для нас выводов:

(1) АФ в 1.5 раза чаще обращаются к аргументации, чем кф;

(2) историки философии в 1.5 раза чаще обращаются к аргументации, чем кф.

Конечно, выводы (1) и (2) не абсолютно надёжны. Во-первых, такой полуавтоматизированный анализ словосочетаний не позволяет говорить о методологии, для этого, вероятно, нужно более нюансированное в качественном отношении исследование. А выявляемая таким образом аргументативность ближе к стилистической характеристике АФ, чем к методологической. Во-вторых, не совсем ясно, какого рода философским методом является аргументация (и является ли). Многие, например (Beaney, 2013, 24), относят аргументативность к стилистическим чертам, наряду со строгостью и ясностью.

Следующие данные касаются того, какого рода аргументы используются чаще из всего количества аргументов, которые встречаются в АФ, КФ и в истории философии.

	АФ	История философии	КФ
Дедуктивные	42–51%	59–61%	65–70%
Индуктивные	43–44%	32–33%	22–23%
Абдуктивные	7–16%	7–9%	7–14%

Таблица 1. Доля типа аргументации от общего количества аргументов (Hogenbirk, 2023)

(3) Доля индуктивных аргументов в АФ в 2 раза выше, чем в КФ;

(4) абдукция представляет меньшую часть аргументации в АФ.

Возможно, вывод (3) объясняется тем, что КФ меньше склонны принимать эмпирические данные всерьёз, а АФ испытала большее влияние эмпиризма, натурализма и научной практики в целом¹⁴. Более

¹⁴ Ср. статистический анализ, в котором было обнаружено, что КФ в вопросе о самом сильном аргументе в отношении существования Бога почти исключительно выбирают онтологический аргумент, а не апостериорные аргументы (аргумент от разумного замысла, космологический аргумент): «Спекулятивное объяснение состоит в том, что континентальные философы, как правило, являются антисциентистами (хотя,

сильное объяснение, на мой взгляд, заключается в приоритетности для АФ нормативной установки на осторожность и в большей чувствительности АФ к выбору модальности: например, АФ будут выбирать «вероятно», «видимо», «возможно», вместо того чтобы всегда писать «необходимо».

В отношении (4) интересна точка зрения Тимоти Уильямсона. На протяжении всей его книги «Философия философии» (Williamson, 2007) встречаются фрагменты, в которых он утверждает, что философия, как и математика, — это по-преимуществу абдуктивное предприятие. Тогда его тезис ошибочен как дескрипция, но может иметь смысл в качестве прескрипции того, какой *должна быть* хорошая философия. Другой способ смотреть на этот вопрос — сказать, что преобладание того или иного типа индикаторных пар не говорит о настоящем весе того или иного типа аргументации. Также возможно, что, хотя дедуктивные и индуктивные аргументы употребляются чаще, они в каком-то существенном смысле эпистемически зависят от абдуктивных аргументов, которые являются более фундаментальными в структуре философского объяснения (или, если вам ближе какое-то из этих выражений — знания, обоснования, доказательства, демонстрации). Здесь можно метафилософский вопрос о методах сопоставить с эпистемологическим вопросом о знании. Например, по мысли некоторых эмпириков, значительная часть априорного знания может иметь апостериорное обоснование.

У меня нет возможности обосновать или подвергнуть критике вывод от нахождения пары индикативных слов к тому, что в тексте в этом месте действительно наличествует аргументация. Тем не менее эти данные могут повышать степень уверенности в том, что АФ более аргументативна.

§ 2.2. КФ как минимум так же гомогенна, как АФ

Другое народное метафилософское убеждение — это широко распространённый тезис о том, что КФ более разрознена, чем АФ. Факт АКР в таких случаях трактуется как натяжение между слитной группой (АФ) и всем остальным: разными традициями, искусственно собранными в одно понятие КФ (по принципу «не-АФ»). Я думаю, что это убеждение неверно: КФ не сильно отличается в гетерогенности от АФ (или даже более гомогенна, чем АФ).

конечно, есть исключения), что часто делает для них апостериорные аргументы неубедительными» (Логоинов, 2025a, 947–948).

Доводы в пользу гетерогенности КФ:

- (1) КФ очень разнообразна в методологических, доктринальных и стилистических характеристиках (критическая теория, феноменология, герменевтика, структурализм, экзистенциализм, психоанализ, марксизм).
- (2) «КФ» — наименование, созданное *снаружи* КФ; оно в меньшей степени используется КФ для самоидентификации.
- (3) Часто КФ — негативный термин, который можно было бы заменить на термин «не-АФ».

Довод (1) наиболее релевантен для отрицания гомогенности КФ. Чтобы его проверить, я ниже приведу данные, которые, с моей точки зрения, могут понижать силу этого довода. Но предварительно я хочу обсудить (2) и (3). Эти доводы выдвигаются очень часто, хотя я мало убеждён в их релевантности для вопроса о том, есть ли вообще такая вещь, как КФ, и для вопроса о том, более ли КФ разрозненна, чем АФ.

Если принимать, что КФ не склонны себя (да и вообще что-либо) как-то именовать и классифицировать, то (2) тривиально объяснимо. Кроме того, если принимать, что АФ стремятся взаимодействовать друг с другом в рациональной дискуссии, а КФ не работают в сообществе и остаются одиночками мыслителями, то (2) тем более тривиально объяснимо. Если это представление верно и первой группе (аф) свойственно работать в сообществе, а второй (кф) свойственно писать несопоставимые трактаты, то это скорее только подкрепляет, что различие между первой и второй группами в стиле их работы и представлениях о том, как делать философию, существенно для введения такой классификации. Допустим, диалог между муреанским анализом в Кембридже, логическими позитивистами, Витгенштейном и польскими логиками (замените это на любую другую конъюнкцию, если нужно) более тесен, чем диалог между феноменологами, экзистенциалистами, герменевтиками, постструктуралистами и марксистами (замените на любую конъюнкцию, если нужно). Странно ли, что мы утверждаем: «в нашей классификации есть две группы, первой свойственно работать в сообществе, а второй — нет»?

Максимилиан Нойхль проанализировал цитируемость статей в англоязычных журналах ($n = 68,152$) для того, чтобы визуализировать структуру современной философии (Noichl, 2021). Он пришёл к выводу, что АФ *не имеет* гомогенной структуры (Noichl, 2021, 5097). АФ представлена разрозненными кластерами (> 20 , например, медицинская этика, философия эмоций, метафизика). Это и указывает на отсутствие связной структуры современной АФ. Напротив, КФ образует единый

кластер. Он характеризуется высокой концентрацией ссылок на центральных авторов (Хайдеггер, Гуссерль, Мерло-Понти, Фуко, Деррида, Бурдье, Батлер, Гарфинкль, Арендт). Этот кластер сопоставим с тем, как цитируемость представлена в отдельных областях АФ вроде философии науки. Хотя КФ интегрирована в некоторые области АФ (больше всего в практическую философию в таких темах, как социальность и справедливость), на схеме она представлена выделенным тесным пятном. Стоит сказать об ограничениях. Во-первых, вывод касается только англоязычных текстов последних 50-ти лет. Во-вторых, стандартное опасение касается того, что цитируемость не равна интеллектуальному влиянию.

Вывод о гетерогенности АФ подтверждается в другом анализе ко-цитирования (Nealy, 2013). Например, политическая философия (вокруг работ Джона Ролза) образует отдельную дискуссию, которая не пересекается с другими темами. В ещё одном анализе более пристальный взгляд показывает, что философия науки и эпистемология образуют отдельные кластеры (Kreuzman, 2001). Для них характерно отсутствие взаимных ссылок и игнорирование работ друг друга. При общности темы (например рациональность), эти области образуют почти непересекающиеся субдисциплины.

Авторы статьи (Kallens, Hicks & Jennings, 2022) проанализировали 129 PhD программ (102 из которых в США). Они сделали несколько очень неаккуратных обобщений (4)–(6), которые на самом деле плохо отражают их же собственную позицию и плохо стыкуются с их эмпирической информацией. Эти обобщения основываются на неотрефлексированном принятии догмы (1)–(3) о том, что континентальная философия гетерогенна.

(4) На самом грубом уровне анализа мы обнаруживаем признаки аналитико-континентального разрыва. Однако философия науки выделяется в отдельную группу, и термин «континентальная» кажется чрезмерным упрощением (Kallens, Hicks & Jennings, 2022, 658).

(5) Мы обнаружили, что, хотя в поле существует явное разделение и его можно охарактеризовать как разрыв между аналитической и континентальной философией, между этими двумя сторонами имеется значительное пересечение. Отчасти это может быть связано с тем, что исторические и плюралистические программы, как правило, включают в себя обе традиции. Кроме того, разделение этой области на *три* группы обеспечивает лучшую общую структуру групп ...; в этом случае философия

науки отделяется как от аналитической, так и от континентальной философии. Дополнительный анализ показывает, что есть основания для более тонких различий, например, между «ядерной» аналитической философией и прикладной этикой, а также между плюрализмом-прагматизмом и «ядерной» континентальной философией (Kallens, Hicks & Jennings, 2022, 657).

(6) ... континентальная философия стала использоваться как ярлык для широкого спектра интеллектуальных течений — феноменологии, (пост)структурализма, марксизма, герменевтики, экзистенциализма, критической теории и даже истории континентальной европейской философии — и становится всё труднее рассматривать её как единую традицию (Critchley, 2001; Schrift, 2010). Континентальные программы также особенно открыты к философам, работающим в американских прагматических и католических традициях. По-видимому, эти разнообразные методы и традиции в основном объединяет то, что они не являются частью аналитической традиции (Conant, 2015; Toadvine, 2012; West, 2010). Наконец, некоторые мыслители, такие как Кант и Витгенштейн, были важны для обеих сторон «разрыва» (Kallens, Hicks & Jennings, 2022, 657).

Одна из ошибок этой статьи заключается в том, что на основании того, как устроены факультеты и программы, делается вывод о том, как устроена философия и знание. Если разделить поле на два кластера ($k=2$), лучшее представление этих кластеров — это АФ и КФ. При $k=3$ у нас возникает третий кластер — философия науки; этот кластер ближе к АФ, но частично пересекается с КФ. Но у этого есть объяснение, которое не касается того, как устроено знание: в современных университетах философия науки выделяется в отдельный учебный и рабочий трек, для которого нужны особые компетенции (математическая подготовка, компьютерные науки, компетенция в специальных науках, то есть не только логика). Первый трек — метафизика и эпистемология с ответвлениями в философии сознания, философии языка и философской логике. Второй — философия науки, математическая логика, философия физики, философия математики, философия биологии, философия когнитивных наук, теория рационального выбора и теория игр.

Выводы (4) и (6), говорящие о том, что КФ более гетерогенна, не подтверждаются собственными данными авторов статьи (Kallens, Hicks

& Jennings, 2022, 661–662). При $k=6$ кластер философии науки из $k=3$ остаётся прежним, кластер АФ из $k=3$ распадается на АФ1 и АФ2, а КФ — на КФ1, КФ2 и КФ3. АФ1 — метафизика, эпистемология, философия сознания, АФ2 — эстетика, философия сознания, когнитивные науки, философия религии. КФ1 — это программы, которые имеют те же черты, что и КФ в целом, когда она была представлена при разделении поля на два и три кластера ($k=2$ и $k=3$). КФ2 представлена ключевыми словами «история», «средние века / возрождение», «XIX–XX вв.», «религия». КФ3 — прикладная этика, гендер/феминизм, биоэтика / медицинская этика и политическая философия.

Опять же, проблема этих данных в том, что они не свидетельствуют о том, как устроено знание, а говорят о том, как формируются факультеты. Для «хорошего» департамента нужна сильная группа АФ1 из $k=6$: специалист или специалистка по метафизике, эпистемологии, философии сознания и философии языка. Они образуют ядро каждого факультета, к которому добавляются уже другие преподаватели, область специализации которых варьируется и менее принципиальна (если, например, у факультета не сложилось задачи создать сильную программу по философии науки). Видимо, если нет этого ядра (целиком из аф), нет хорошего факультета с точки зрения современного философского сообщества¹⁵. Это ядро авторы называют «LEMM» — Language, Epistemology, Mind, Metaphysics.

В любом случае я не думаю, что исследование (Kallens, Hicks & Jennings, 2022) актуально для определения АФ и КФ как философских традиций; это исследование (хоть сколько-то) актуально лишь для определения АФ и КФ как институционализированных социальных групп. Даже по мнению историко-социологических дефляционистов, устройство факультетов и то, как представлены традиции, не должны совпадать, поскольку кроме социального и институционального критерия должен соблюдаться критерий преемственности (определяем ли мы его через цитируемость или как-то иначе).

Таким образом, исследования (Noichl, 2021; Kallens, Hicks & Jennings, 2022; Kreuzman, 2001; Healy, 2013) свидетельствуют о том, что АФ и КФ не сильно отличаются в гомогенности (в рамках последних 50-ти лет).

¹⁵ Это можно попытаться объяснить либо тем, что АФ обладает определённым «эволюционным» преимуществом — лучшей организацией и специализацией, либо исключительно фактом институционального доминирования АФ — благодаря победе в квазиполитической борьбе.

§ 2.3. Подавляющая часть АФ делается без обращения к логике

Обращу внимание, это относится не только к современной АФ, но и к АФ середины XX века. В исследовании (Bonino, Maffezoli & Tripodi, 2021) были проанализированы 12,322 статьи 1941–2010 гг. из шести центральных журналов (вроде *The Philosophical Review*) на предмет содержания логических символов (связок, кванторов, операторов) и ключевых слов, относящихся к логике (валидность, следование). Методология, уровень детальности и качество интерпретации в этом исследовании не вызывает вопросов. Главный вывод следующий.

(1) Только в 25% статей есть обращение к логике.

Количество статей с обращением к логике от общего количества философских статей никогда не превышало 30%. С 1940-х годов (16%) этот показатель растёт до пика в 1960–1970-е (30%). Начиная с 1972-го г. (год основания *Journal of Philosophical Logic*) увеличивается количество журналов, посвящённых только логике. Авторы несколько раз за статью выдвигают гипотезу, что специализированная логика постепенно мигрирует из общего контекста АФ в отдельную часть. Поэтому в 1980–1990-е годы количество статей с обращением к логике падает до 22%. Также это может быть связано с уменьшением работ, посвящённых философии логики. (Сама по себе философия логики гораздо менее популярная дисциплина по сравнению с философией биологии и философией математики.) Но в 2000-е годы показатель снова возвращается к 29%. Это совпадает с другим трендом — увеличением количества статей, в которых логика используется инструментально, в противоположность специализированным логическим статьям: с 1940-х (29%) инструментальное использование логики непреклонно растёт до 2000-х (73%). Следующий большой вывод касается того, насколько сложная логика используется в АФ.

(2) Из всех статей, в которых есть обращение к логике, 56% требует только начального уровня логической компетенции.

Этот уровень авторы маркировали как 1, он соответствует достаточно простым вводным знаниям. Уровень 0 вообще не требует знакомства с формальной логикой (например, обсуждение Гегеля или Дьюи в логическом контексте), он представлен только в 6% статей. Уровни 2 и 3 требуют базового знания пропозициональной, первопорядковой или неклассических логик, они представлены в 15% и 15% процентах статей. Последний, 4, усложнённый уровень, встречается в

4% статей, это, например, статьи Дэвида Льюиса со сложным формальным аппаратом.

Чтобы представить себе более детальную картину современной философии, можно посмотреть на количество статей с инструментальным обращением к логике в разных субдисциплинах в последнем из исследованных периодов (2001–2010).

Метафизика — 40%,
философия языка — 21%,
эпистемология — 16%,
философия науки — 9%,
моральная/политическая философия — 5%,
философия математики — 5%,
философия сознания — 0,5%.

Также важно, что сложность статей с инструментальным обращением к логике растёт. Количество статей с уровнями 3 и 4 с 8% и 0% в 1940-е годы растёт до 18% и 7% в 2000-е. Количество статей с уровнями 0 и 1 понижается.

Таким образом, обращение к логике не является сущностной чертой АФ. Кроме того, специальные (дисциплинарные) логические исследования мигрируют из общего контекста АФ в отдельную часть (или в математику). Тем не менее обращение к логике могло бы характеризовать АКР в отдельных субдисциплинах (прежде всего в метафизике).

§ 3. Эссенциализм

Хотя в современной метафилософии историко-социологический дефляционизм, вероятно, является самой распространённой точкой зрения, я думаю, остальные философы чаще специалистов в этом вопросе придерживаются эссенциализма¹⁶.

§ 3.1. В поисках утраченного определения

Эссенциалисты должны полагать, что АФ и КФ в принципе имеют определения, которые задаются через необходимые и достаточные условия. Есть АФ, аналитическая традиция / движение /

¹⁶ В схожем смысле эту позицию называют эссенциализмом в (Overgaard, Gilbert & Burwood, 2013, 112) и во введении к (Morag, 2023).

направление / стиль / метод, а есть КФ, континентальная традиция /..., и между ними есть разрыв.

Стереотипные критерии, которые приписывают АФ, можно поделить на (i) доктринальные, (ii) методологические и (iii) стилистические/эстетические. Это стандартное деление, которое, например, встречается у Глока (Glock, 2008, 19).

(i) *Доктринальные критерии*

- (1) отрицание метафизики;
- (2) анти-историчность;
- (3) «лингвистический/концептуальный поворот».

Это самые сомнительные критерии; они часто подразумевают представление об АФ как о школе (что, согласно (Preston, 2007), никогда не было правдой). Отдельный перверсивный жанр — показывать, что они плохо подходят даже для раннего периода АФ. Но очевидно, что они не подходят для современности. (1) Сегодня метафизика — центральная дисциплина АФ; (2) многие АФ являются превосходными историками и охотно анализируют исторические дискуссии для решения философских проблем в их современном состоянии; (3) обращение к анализу языка для продвижения в философских спорах перестало быть магическим эликсиром, на современную АФ лингвистический поворот перестал влиять, а в КФ был свой лингвистический поворот в герменевтике и других традициях¹⁷.

¹⁷ Например, через тезисные критерии АФ описывает Майкл Даммит. Он во многом ответственен за закрепление Фреге в каноне отцов-основателей (хотя он часто называет Фреге скорее дедушкой), за привлечение внимания к немецкой традиции в целом (например к Brentano и Meinong) и (вместе с Ричардом Рорти) за рождение стереотипного критерия под названием «лингвистический поворот». «Аналитическая философия родилась, когда был совершён "лингвистический поворот"» (Dummett, 1993, 5). Даммит повторяет эти мысли на протяжении всей книги (Dummett, 1993, 4f, 128, 441, 458). Ср.:

Однако в главе 32 Хакер утверждает, что лингвистический поворот был по-настоящему проведён только Витгенштейном в «Логико-философском трактате», что означало бы исключение ранних Рассела и Мура из аналитической традиции. Даммит, с другой стороны, утверждал, что он был впервые реализован Фреге в разделе 62 «Оснований арифметики». Это может вернуть Фреге в пантеон, но всё ещё исключает ранних Рассела и Мура. Если мы также добавим, что лингвистические повороты были как в герменевтике XX века, так и в ранней немецкой философии, то это не может считаться ни необходимым, ни достаточным условием для того, чтобы философия была «аналитической» (Beaney, 2013, 23).

(ii) *Методологические* критерии

- (4) опора на логику;
- (5) близость к естественным наукам и математике;
- (6) аргументативность;
- (7) универсальность языка (независимость понимания от языка).

Проблема (4)–(5) в том, что они нерелевантны для АФ в целом (см. ниже § 5.1.). Какого рода методами являются (6) и (7)? Аргументативность сама по себе — требование для хороших академических гуманитарных исследований. Но, опять же, (6) аргументативность АФ скорее можно рассматривать как околостилистическую характеристику (если верить § 2.1. и считать, что АФ действительно более аргументативна). (7) Стремление к универсальности и возможности понимания на любом языке больше подходит для того, что можно назвать нормативным ориентиром аф, но, опять же, предлагает слишком широкий критерий, который вряд ли очерчивает методологическую специфику.

(iii) *Стилистические/эстетические* критерии

- (8) ясность;
- (9) строгость;
- (10) доступность.

Если вы откроете современные хорошие континентальные журналы (например *Journal of the British Society for Phenomenology*), то вряд ли увидите стилистическую разницу с аналитическими журналами. Статьи в них написаны ясно, последовательно, с большой опорой на современные дискуссии и позиции других исследователей. Логинов (Логинов, 2025b) и Юнусов (Юнусов, 2025) считают, что нет более непохожих авторов, чем Чалмерс и Деннет, а работы Даммита и Дэвидсона могут быть гораздо более дремучими, чем многие континентальные тексты. Лейтер (Leiter, 2004, 12) также приводит в качестве примера неясного стиля Даммита и Витгенштейна, которых противопоставляет более ясным Ницше и Шопенгауэру — стереотипно неаналитическим фигурам. Влияние Даммита и Витгенштейна, утверждает Лейтер, может объяснить туманность Джона Макдауэлла и Кристофера Пиккока, но эти авторы повлияли и на Колина Макгинна, философа со вполне ясным стилем. В качестве примеров понятного письма Лейтер также приводит Джегвона Кима и Алвина Голдмана.

Раньше часто также подчёркивали связь континентальной философии с литературным стилем (Williams, 1985). Ясно, что сегодня об

этом больше не говорят. (Опять же, сторонники перверсивного жанра старались бы опровергнуть, что это вообще когда-то было правдой.)

Критерии Вадима Васильева

Вадим Васильев (Васильев, 2019) указывает на следующие признаки:

- (11) АФ — продолжательница классической философии (см. также: Stevens, 2013; Шохин, 2015; Юнусов, 2025);
- (12) АФ решает большие проблемы/вопросы, в отличие от КФ;
- (13) Неверно, что АФ анти-исторична.

Тезисы (11) и (12) являются АФ-супрематистскими; опора на эти тезисы имеет смысл для позитивного взгляда на философский прогресс и направления философского сообщества на проблемоцентричность, но они плохо подходят для характеристики АФ в целом и приводят к коллапсу АФ в «хорошую философию». В отношении (11) КФ действительно можно рассматривать как неклассическую, ведь это подходит под некоторые самоописания кф; с точки зрения некоторых кф, классическая философия закончилась на Гегеле. Здесь могут указывать, например, на что-то вроде невозможности философии с «декартовским субъектом» (я взял это словосочетание в кавычки, поскольку его значение туманно); новые традиции начинаются с Ницше, Маркса и Фрейда и т. д. Васильев указывает, что неклассическая философия началась с Гегеля, который решил не отвечать на вопросы утвердительно/отрицательно, а пошёл за расплывчатыми языковыми интуициями. Также часто в разряд неклассических философов могут ревизионистски отнести, например, Платина и Прокла. Тем не менее мы не обязаны верить этому самоописанию КФ; кроме того, не все КФ именно с этим описанием согласны. Если мы будем следовать критерию (12), то будем обязаны считать, что ранний Гуссерль, например, является аф. Также многие части современной КФ всё-таки пересекаются с тем, как АФ видят большие философские проблемы.

Разумеется, стандартное представление о том, что АФ анти-исторична, — слишком сильный тезис; (13) только частично верно. После продолжительного анализа того, как АФ относится к истории, Глок заключает:

Ни историофобия, ни анахронизм не являются отличительными чертами аналитической философии. И поскольку многие (хотя далеко не все) аналитические

философы сопротивляются крайностям историцизма (внутреннему и инструментальному историцизму, историческому релятивизму, недискриминационному милосердию), они находятся на стороне ангелов (Glock, 2008, 114).

Однако я не вижу проблем в том, чтобы признавать явную анти-историчность в *некоторых* частях АФ.

§ 3.2. Нормативные ориентиры

До сих пор речь шла о дескриптивной стратегии эссенциалистов. Но есть другой вариант эссенциалистской стратегии, который уже не опирается на простое перечисление характеристик в рамках концептуального анализа. Это нормативная стратегия эссенциалистов, мне она кажется более выигрышной в сравнении с дескриптивной. Её сторонники считают, что существуют нормативные идеалы, характерные для АФ, и нормативные идеалы, характерные для КФ.

Ясность, строгость, аргументация (clarity, rigor, and argumentation) — вот три идеала аф, которые часто упоминаются комплектом. (Пожалуй, сюда стоило бы добавить (15) из списка дальше.) Их могут называть стилистическими чертами (Beaneу, 2013, 24), добродетелями (Beaneу, 2013, 25), имплицитным обязательством (Soames, 2003, xiii) или нормативными ориентирами (Юнусов, 2025).

Важное преимущество, которое есть у этого взгляда, — тезис о том, что нам не обязательно гипостазировать АФ. Мы можем не говорить о том, что у АФ есть определённые характеристики, а просто утверждать, что АФ — это те, кто придерживается определённых ориентиров.

Нормативные ориентиры АФ (Юнусов, 2025)

- (13) ясность, понятность, доступность;
- (14) точность и стремление к однозначности, интеллектуальная осторожность, аргументированность, обоснованность;
- (15) открытость к рациональной дискуссии, открытость к критике, готовность работать в дискуссии с другими философами и учёными.

Нормативные ориентиры КФ (Юнусов, 2025)

- (16) оригинальность, эффектность и новизна способов мышления;

(17) способность оказать трансформирующее воздействие на читателя и на мир.

Возможно, что приоритетность (13)–(15) отличается от приоритетности, которую обычно принимают в некоторых областях социальных и гуманитарных наук (исследования культуры, антропология, критические и социальные исследования, анализ медиа). Тогда эти сферы скорее предполагают приоритетность (16)–(17). Но может оказаться, что это не так: критерии (13)–(15) являются просто необходимым пререквизитом для современной академии и защиты *PhD*. Мотивация нормативной стратегии — при провалившихся дескриптивных критериях сказать что-то содержательное о наших группах, а не просто указать на историческую преемственность. Я думаю, эта стратегия более удачна, если мы рассматриваем нормативные ориентиры не в терминах необходимых условий, а в терминах семейного сходства.

Как мы установили ориентиры, которым следуют АФ и кф? Скорее всего не по модели поведения АФ и КФ и знанию-знакомству с ними; разумнее, что мы выявили нормативные ориентиры АФ и кф, смотря на их философию. Чем же тогда (13)–(15) отличаются от дескриптивного определения? Прежде всего, если философ *ф* *стремится* следовать нормативным ориентирам *x*, *y*, *z*, но *ф* *не достигает* этих идеалов, он или она всё равно привержены этим ориентирам (Юнусов, 2025; Beaneу, 2013, 24). Кроме того, (13)–(15) не говорят о тезисах теорий и методах аф. Это менее нагруженные в содержательном смысле критерии. Чем они тогда отличаются, например, от (iii) стилистических критериев? Стилистические критерии, вероятно, скорее относятся к способу *передавать* философию, к стилю коммуникации и письма, а (13)–(15) сверх этого отсылают к чему-то вроде способов *делать* философию.

Я считаю, что в итоге эта позиция — некоторая вариация дефляционизма семейного сходства Глока (о нём ниже). Единственный способ для нормативиста ответить на вопрос, почему бы не включить в список АФ мыслителей прошлого (греков, философов Нового времени и т. д.), которые открыты к дискуссии, обладают ясным стилем изложения и хорошо аргументируют свои тезисы, — обратиться к какому-то историческому якорю, указывающему на преемственность. Поэтому нормативный подход эссенциалистов в любом случае проваливается в дефляционизм семейного сходства с опорой на нормативный характер этих сходств. АФ в современном смысле могут быть только те, кто соответствует (13)–(15) и при этом по цепи влияния связаны с Расселом и Муром. Характерно, что возражение «от греков» было высказано и в

отношении Юнусова, и в отношении Глока (в дискуссии (Glock, 2013) возражение «от греков» поднимает Тимоти Уильямсон, также оно обсуждается в (Beane, 2013, 25)).

§ 3.3. Возражение

Представьте Землю-двойник, философия на которой очень-очень напоминает аналитическую. Будете ли вы утверждать, что это одна традиция (или движение) — АФ? Вряд ли, ведь эти два сообщества не связывает ни преемственность в обучении, ни взаимные цитирования, то есть их представители не оказывают *влияния* друг на друга. Если мы захотим утверждать обратное, то легко включить в АФ и древних греков, и древних индийцев. Например, вот что пишет Владимир Шохин:

Аналитическое понимание самой философской деятельности налицо во всех трёх известных мне определениях философии в Индии. Так, составитель знаменитого политологического трактата «Артхашастра» (ок. I в. н. э.) в разделе характеристик наук различает (1) философию (*ānvīkṣikī*), букв. «исследование», — как то, что «исследует посредством аргументации» (*hetubhir ānvīkṣyamāṇā*), и (2) три её школы — санкхью, йогу и локьяту (Шохин, 2018, 21).

Такая точка зрения — редкость. Скорее мы не назовём одной традицией или движением сообщества, которые каузально-исторически друг с другом не связаны. Понятие «философия» же имеет другую функцию, чем понятие «АФ». Мы готовы признать философскими индийское и инопланетное сообщества. Понятие АФ, как я считаю, нужно не столько для демаркации и классификации в области знания, сколько для идентификации и классификации в пространстве социальной реальности (например в том смысле, в котором о социальной реальности говорит Сёрл (Searle, 1995)). АФ не является субдисциплиной внутри философии, поэтому сама по себе не может определяться только предметом, методами и идеалами. Эта традиция, состоящая из живых людей, то есть в конце концов социальная группа, может *pretendовать* на то, что именно её представители в момент времени *t* лучше других понимают, какие методы надо использовать или каким эпистемическим стандартам и идеалам нужно следовать для того, чтобы делать хорошую философию.

Перед вопросом:

(1) что такое АФ?

лучше сначала задать вопрос:

(2) с какой целью мы выделяем АФ (и отличаем от других типов философии/сообществ и т. д.)?», или «зачем некоторых философов называют «аф», а их философию — «АФ»?

Конечно, это разные вопросы. (1) — это вопрос концептуального анализа, для ответа на который нужно задать необходимые и достаточные условия для указанного понятия. (2) — это практический вопрос, вопрос о пруденциальных основаниях. Важное преимущество вопроса (2) заключается в том, что он показывает социальную функцию понятия АФ.

Задавая вопрос (1), задаём ли мы вопрос о том, как устроено знание? Чем-то похожим мы будем заниматься, если начнём определять, относится ли на самом деле кинетика химических реакций к физической химии или же к химической физике. Часто подобные дисциплинарные различия являются квази-дисциплинарными. На самом деле они контингентны: то, что попадает в одну из квази-дисциплин, могло бы в принципе попасть в другую. Такая практика из обсуждения того, как знание устроено, переходит в обсуждение того, как знание нам *стоит* устроить. Таким образом, опять же, дело не в том, что АФ является отдельной областью знания, а в том, что представители АФ претендуют на то, что их способ делать философию лучше соответствует тому, что такое на самом деле хорошая философия.

Как правило, мы признаём научный или философский термин хорошим, если он имеет объяснительную силу, то есть эффективен в объяснении определённых феноменов. Но обращение к социально-заряженным классификациям вроде «жестокое отношение к детям» и «женщина-беженец» имеет не только объяснительную функцию. Поэтому простой концептуальный анализ в рамках (1) таких социальных категорий, как АФ, которые мы вводим с какими-то целями, — это ложная работа: подбрасывание полицейским улик, чтобы получить вознаграждение за лже-поимку. Когда мы задаём вопрос (1), мы не спрашиваем о том, что такое стулья, числа, электроны, квалиа, надёжные познавательные практики или добродетельные поступки. Мы имеем дело с социальной классификацией, которую используем с определённой целью. Гораздо больше смысла имеет поиск ответа на вопрос (2). Например, идентификация внутри социальной группы АФ позволяет делать работу более эффективно; общаясь друг с другом и читая работы

друг друга, АФ добьются гораздо более хороших результатов; представители других социальных групп или традиций гораздо лучше поймут, как взаимодействовать с определённым человеком в зависимости от того, причисляет ли он или она себя к АФ и т. д.

§ 4. Дефляционизм

Дефляционисты атакуют определения АФ с помощью контрпримеров. Они признают факт АКР, но не признают, что у АФ и КФ есть сущностные черты. В таком случае факт АКР является чисто историческим/институциональным и имеет социальную/культурную природу. В этом смысле стоит анализировать не методы, нормативные идеалы или стиль, а цитирование, институции, преподавание, научное руководство и журналы.

В соответствии с *историко-социологическим дефляционизмом*, АФ и КФ — это термины, которые отсылают к синхроническим и диахроническим социальным явлениям; они могут сказать, что нет АФ и КФ как таковых, есть только *группы людей*, которых решили называть АФ и кф. Тогда термин АФ имеет более или менее однозначный экстенционал и не имеет (или почти не имеет) интенционального наполнения. Можно также выделить (а) социальный критерий: АФ и КФ привержены определённым социальным институтам; и (б) баптистский критерий: АФ и КФ объединены сетью исторической преемственности.

Дефляционисты семейного сходства утверждают, что кроме исторической преемственности стоит всё же говорить о преемственности в разных содержательных чертах, свойственных АФ. Хотя мне сложно однозначно классифицировать предлагаемый мной самим подход, вероятно, он находится на границе дефляционизма семейного сходства и нормативного эссенциализма.

§ 4.1. АФ — не исторический (историографический) термин

Лейтер весьма отчётливо говорит о сложностях определения АФ и скорее занимает дефляционистскую позицию, описывая АФ как институциональное явление. «Трудно представить "движение", которое более академически и профессионально укоренено, чем аналитическая философия» (Leiter, 2025). Он указывает, что больше не верно представление о лидирующей роли концептуального анализа и априорных кабинетных исследований; «АФ» сегодня — самая междисциплинарная область из всех гуманитарных дисциплин. Здесь, видимо, утверждается, что АФ уже не может определяться единым методом, а её

«расплывчатость» при взаимодействии с другими областями делает её специфику настолько неясной, что приходится говорить об «АФ» в кавычках. Но далее Лейтер утверждает, что АФ ясно характеризуется приверженностью определённому нормативному идеалу: это исследовательская парадигма сообщества учёных, которые работают коллективно и каждый из которых занят привнесением своего маленького вклада в решение большой и общей для всех проблемы.

Действительно, что отличает аналитическую философию ещё больше, чем «стиль», так это перенятие исследовательской парадигмы, распространённой в естественных науках, — парадигмы, в которой множество отдельных исследователей привносят небольшой вклад в решение одной из общепризнанных проблем. Интересно, что это верно даже для лучших работ англоязычных философов по так называемой «континентальной философии»: исследователи обсуждают и детально работают над прочтениями Гегеля Брендомом, Форстером, Пиппином, Вудом и прочтениями Фуко Дрейфусом и Райнбоуом, Гаттингом и Пайлем (Leiter, 2025).

Основное моё возражение к историко-социологическому дефляционизму остаётся в силе. АФ как традиция и набор отношений влияния вторичны по отношению к социальной практике и тем задачам, для которых термин «АФ» используют в качестве классифицирующей категории. «В этом смысле они [термины АФ и КФ] используются скорее для формирования идентичности философских групп, чем как нейтральные историографические категории» (Petrovich, 2024, 38)¹⁸.

¹⁸ Кроме того, «историографическое понятие» не самое понятное словосочетание. В профессиональной литературе чаще говорят об историографических текстах, исследованиях, данных, историографической репрезентации, интерпретации, аргументации и т. д. Ср.:

Историографическое рассуждение — это тип вывода, заключения которого отсылают к прошлым положениям дел, к истории, а посылки — это имеющиеся свидетельства, вводные данные, которые сохраняют информацию, переданную прошлыми событиями, из истории (Tucker, 2025, 1).

Тогда историография может означать результаты исследований об истории, которые почти всегда имеют текстовую форму (Kuukkanen, 2015, 5).

Кроме того, если АФ — это историческая категория, то это очень плохая историческая категория.

Историки не живут в эпистемических пузырях и эхо-камерах, а коммуницируют в общем для всех поле свидетельств и рассуждений, и это является одним из показателей того, что историография основана на рассуждениях и доказательствах, а не на выражении идентичности и интуитивных интроспекциях (Tucker, 2025, 8).

Приводя эту цитату, я не хочу сказать, что мы не можем делать объективные суждения об исторических категориях, которые описывают события, происходящие в современности. Но именно в случае с АФ сделать это трудно. Наша основная историческая категория одновременно является и главным инструментом самоописания живого сообщества.

Когда мы используем понятия АФ и КФ в целях истории философии, они являются историческими. (В основном это использование делится на историю ранней, средней (1950–1970-е годы), поздней (с 1970–х) и современной АФ.) Когда мы говорим о практиках социальной классификации, мы, конечно, должны учитывать историю изменения этой классификации. Но я скорее считаю, что АФ и КФ играют большую роль в актуальной идентичности и формировании будущего, чем обычно играют исторические термины. Исторические термины («хрущёвская оттепель», «Возрождение», «первобытное общество») — это по преимуществу ретроспективные понятия, конечная цель которых — организация прошлого (точно такую же роль играют и понятия «немецкий идеализм», «сократические школы», «древнеиндийская философия»). Часто цель понятий АФ и КФ не организация событий прошлого, не получение заключений на основе исторических данных. АФ и КФ — это понятия, которые используются для организации настоящего и будущего философского поля: они определяют карьерные траектории, каноны, методы и то, что вообще считается философией. Разграничение АФ и КФ не возникло в рамках исторического гуманитарного анализа; скорее, это внутренний продукт теоретической, методологической и институциональной (квазиполитической) борьбы.

Согласно Евгению Логинову (Логинов, 2025b), АФ и КФ — это историографические термины. Эти термины только экстенционально указывают на *сети исторической преемственности*. Другими словами, есть просто разные сообщества людей, которые:

- (1) читали определённые тексты,
- (2) учились у определённых людей,
- (3) общаются с определёнными людьми,
- (4) ссылаются на определённых людей.

В итоге дефляционистский ответ «АФ и КФ представлены разными группами людей, которых называют АФ и кф» звучит как предложение «философия — это то, чем занимаются философы». Принадлежность к одной из этих групп (исключая пограничные случаи) определяется приверженностью определённым образовательным институтам, журналам, конференциям, выбором неформальных взаимодействий, а также сетью влияния или преемственности в цитируемости, благодарностях, посещении курсов, научном руководстве.

Обратите внимание, что здесь не перечислена преемственность в *философии*. Объяснить её, то есть что именно преемствуется, как и в целом хорошо прояснить сам термин преемственности, — это самое большое затруднение для такой точки зрения. Для историко-социологических дефляционистов сходства в философии представителей социальных групп АФ и КФ становятся следствием исторической и социальной близости. Первостепенная задача для дефляциониста — получить историческое объяснение. Оно, в свою очередь, представляет тип каузального объяснения (Maar, 2016). Таким образом можно высказываться о контингентных вещах, например о том, как сложилась определённая институциональная организация знания. Другой тип каузального объяснения — социологическое. Оно, в отличие от исторического, направлено на рассмотрение не токенов, а типов (Tucker, 2012). Например, Нейл Леви (Levy, 2003) предлагает социологическое объяснение АФ в терминах функционирования нормальной науки. (Концептуально позицию Леви сложно определить, она сочетает эссенциализм, семейное сходство и исторический дефляционизм.)

Но достаточно ли такого объяснения? Как раскрывается понятие исторической преемственности или влияния? Конечно, то, что один философ критикует и/или развивает теорию другого или другой, как и то, что в теориях, методах и стилистике работы между определёнными философами есть сходство, может объясняться (1)–(4). Но даже если АФ — это прежде всего экстенциональный термин, который во многом задаётся историческим влиянием, преемственностью и социальными факторами, мы при этом наблюдаем определённые содержательные связи между *философиями* и не просто говорим про социальных представителей. Я не думаю, что историческое объяснение категории АФ

исчерпывает вопросы, которые мы хотим задать в отношении этой категории.

§ 4.2. Семейное сходство

Автор самой плодотворной книги по анализу понятия АФ (Glock, 2008) Ганс-Йоганн Глок видит подобное же затруднение в историко-социологической картине (Glock, 2008, 221).

... влияние — это в первую очередь каузальное понятие. Но философское влияние — это не просто случай действенной каузальности. А не может оказать философское влияние на Б, введя препарат, который заставит Б принять любимую философом А теорию Т. ... Только тогда, когда теория А фигурирует в способе рассуждения Б или, менее строго, когда Б думает о теме Т, А окажет на Б влияние. Это можно выразить, используя терминологию Коэна: аналитическая философия — это «диалог», «критический обмен» между разными мыслителями и течениями: «аналитический диалог», как его называет Коэн (Cohen, 1986, 3, 58).

Вполне вероятно, что сущностного единого ядра у АФ нет и что определение дать невозможно; но я думаю, что даже историко-социологические дефляционисты не будут отрицать, что какие-то сходства у АФ есть. Но почему тогда не признать, что между методами и теориями АФ есть семейное сходство?

Дефляционизм семейного сходства

(1) АФ определяется чертами семейного сходства, которые передаются через историческое влияние (преемственность).

Глок очень скрупулезно проверяет все содержательные характеристики, которые привычно связывают с АФ; и в конечном счёте его позицию можно отнести к дефляционизму. Тем не менее Глок полностью отвергает попытку объединить АФ содержательными характеристиками и утверждает, что они просто переплетены более сложным образом — как витгенштейнианские понятия. В дебатах (Glock, 2013, 36) после публикации своей книги на вопрос (который ему задавали многие) «какие свойства "цеплять" семейным сходством?» Глок ответил: помимо парадигмальных примеров аналитических

философов, у нас есть ещё и «набросок» исторического развития АФ, который и будет ориентиром. В нём (Glock, 2008, 212) научная ориентация *присутствует* у Фреге, Рассела, Венского кружка, Куайна и *отсутствует* у оксфордцев, в ЛФТ и ФИ Витгенштейна. Ясность отсутствует только у Витгенштейна (из перечисленных); отрицание метафизики отсутствует у Фреге, Рассела и Куайна (и частично есть у оксфордцев и в ЛФТ); лингвистический поворот отсутствует у Фреге (частично) и Рассела и т. д. На все представленные и предполагаемые атаки, касающиеся неясностей и частных решений, Глок отвечает: «вы меня в целом поняли»; то есть контрпримеры не должны играть большой роли, важно представлять способ или схему раскрытия понятия АФ. Более общее возражение, которое можно предъявить дефляционизму семейного сходства, заключается в том, что апгрейд семейного сходства следует сначала хорошо прояснить в философии языка.

§ 4.3. Реформы

К реформаторам АФ я отношу сторонников разных позиций. Это могут быть те, кто призывает существенно менять экстенционал или интенционал АФ (ревизионизм, реакционный пессимизм). Также это те, кто указывает на то, что с нашим представлением об АФ что-то сильно не так.

История АФ политизирована; настоящее определяет прошлое, канон пишется победителями. Питер Хакер (Hacker, 2013) вычёркивает из числа АФ Куайна и его последователей, у него же, так же как и у Сомса (Soames, 2003), в числе отцов-основателей отсутствует Фреге. Виталий Целищев говорит, что современные философы, занимающиеся этикой, противоречат настоящему духу АФ, а Владимир Шохин вписывает в контекст АФ древнеиндийские философские школы. Вот, например, отрывок, выражающий представление о золотом веке и реакционный пессимизм в отношении АФ¹⁹:

Что же касается англо-американской аналитической философии последних десятилетий, то она выродилась в бесплодную и схоластическую критику и самокритику. Для современного аналитического философа главное — не быть, а казаться, — казаться для получения финансирования, грантов, учёных степеней и т. п. Впрочем, этому принципу начинает следовать сейчас практически вся

¹⁹ Подобные высказывания можно также встретить у Целищева, Хакера и Давида Дубровского.

западноевропейская культура в результате проникновения рыночных отношений во все сферы общественной жизни, в том числе — в науку и философию (Никифоров, 2020, 20).

АФ-супрематизм:

Позиция, которую я называю АФ-супрематизмом, наиболее ясно представлена в (Stevens, 2013), также высказана Дмитрием Ивановым²⁰ и частично, как я полагаю, разделяется Вадимом Васильевым (Васильев, 2019).

- (1) Нет АФ. Есть философия;
- (2) АФ и есть философия по преимуществу, философия как таковая.

Такая позиция должна предполагать, что ни одно описание революционности АФ не является удовлетворительным. То есть нет как такового разрыва между традиционной философией и АФ; либо логика, сциентизм, анализ языка и прочее не ново для философии, либо ново, но АФ — закономерный этап в «эволюционном» развитии классической/традиционной философии.

Достаточно часто указывают, что природа философии фундаментально плюралистична. Этот тезис используют в том, что можно назвать плюралистическим аргументом (ПА) — аргументом от того, что АФ и КФ не исчерпывают все виды философии, к тому, что АКР — сомнительное различие. Кроме АФ и КФ есть национальные философские традиции, прагматизм и «профессиональные философы» (логики, историки). Есть множество пересекающихся, но разных «племён», а не две монолитные традиции. То есть разделение философии на АФ и КФ напоминает ложную дихотомию, когда сложный универсум сводится только к двум взаимоисключающим позициям.

Плюралистический аргумент (ПА)

- (3) Кроме АФ и КФ есть другие философские традиции.
- (4) Принятие АКР предполагает, что АКР описывает подавляющую часть философской практики.
- (5) АКР — сомнительная дихотомия, содержательное отношение к АКР ошибочно.

²⁰ Доклад на круглом столе «Что такое аналитическая философия?», институт философии РАН, Москва, 23 января 2025: <https://www.youtube.com/watch?v=qCgCdNEfbjA>.

Я думаю, мало кто будет отрицать, что в философии есть много традиций, поэтому (4) кажется странным. Но можно увидеть, что на самом деле те, кто склонны принимать ПА, видят угрозу в том, что АКР будут использовать расширительно и/или ревизионистски.

Тем не менее для отрицания расширительного использования понятия АКР или отрицания ревизионизма не обязательно обращаться к ПА. Возьмём, например, анализ аналитическими философами взглядов Нагарджуны и логики школы Навья-ньяя (логика последних — не чистая логика, она во многом имеет метафизические предпосылки). В таких исследованиях у Нагарджуны могут находить понятия из современных дискуссий вроде фундирования и метафизической зависимости (Westerhoff, 2017, 106). Утверждение о том, что Нагарджуна и логики Навья-ньяя являются аф, скорее избыточно и бессмысленно. В таком случае АФ задавалась бы эссенциальными характеристиками в традиционном виде: логика, анализ языка, ясность изложения. Можно подумать, что либо мы используем расширительную фикционалистскую интерпретацию: *будто бы* Нагарджуна и логики Навья-ньяя были аф, либо ревизионистскую: Нагарджуна и логики Навья-ньяя — аф. Но на самом деле подчёркивание таких находок не требует эссенциализма и ревизионизма. Гораздо естественнее предполагать универсализм: точку зрения, что есть нечто контекстно-независимое: есть то, что верно для прошлого и в одном контексте и верно для настоящего и в другом контексте.

Изменение канона АФ, ревизионизм, обращение внимания на политическое измерение АКР и то, что я называю перверсивным жанром (искать несоответствия в устоявшихся конвенциях), — всё это может влиять на наше представление об АФ. История ранней АФ и рассмотрение АФ в контексте традиционной философии действительно влияет на то, как мы смотрим на вещи: удачный пример последнего — (Coffa, 1991). Но я не думаю, что это первостепенная задача, более важно задать вопрос о том, на что влияет использование категории «АФ».

Наконец, вариант плохого социального и исторического объяснения — это определение АФ в терминах политической борьбы и через историю её гегемонии (Preston, 2007; Schuringa, 2025). Я не спорю с тем, что внутренняя история АФ — это *в том числе* история сексистских и расистских практик, а внешняя история АФ — это *в том числе* история проявления институциональной гегемонии. Но я сомневаюсь в таких утверждениях, как «АФ — это только иллюзия», «история АФ — это на самом деле *только* история того, как одни философы захватили власть и институции». Несостоятельность подобного подхода можно продемонстрировать с помощью анализа социального конструкционизма

Яном Хакингом, который в этом случае принимает форму разоблачения (unmasking). В терминах Хакинга это более радикальная форма конструкционизма, чем исторический анализ и ирония, и менее радикальная, чем мятежничество и революционность (Hacking, 1999, 19). Согласно Хакингу (Hacking, 1999, 12), для того, чтобы произошло разоблачение X, сначала нужно принять следующий тезис:

(6) в текущем положении дел X принимается как данное; X кажется неизбежным.

Далее следует само разоблачение с помощью одного или нескольких следующих утверждений: X мог бы и не существовать; X не определён природой вещей; X — что-то плохое, и было бы лучше, чтобы мы были без X или существенно трансформировали бы X (Hacking, 1999, 6). Но все эти разоблачающие утверждения — это утверждения против (6); странность такого подхода заключается в том, что тезис (6) в случае с этим явлением не кажется правдоподобным: это попытка разоблачить то, что на самом деле и не имело в виду. Думаю, многие не считают, что существование АФ принимается как данное и кажется неизбежным. Наоборот, наиболее естественно считать, что АФ — явление социальной реальности: мы могли бы быть в такой ситуации, чтобы в XX и XXI веках не было АФ.

§ 5. Концептуальная инженерия в действии

§ 5.1. *Metaphilosophy-first* модель

Можно попытаться определить АФ через специфику метафилософских дискуссий в АФ. Они будут указывать, во-первых, на участвующих в метафилософских дискуссиях, во-вторых, на тех, кто с ними взаимодействует, в-третьих, на преемственность в этих дискуссиях.

В § 3.3 я уже говорил о том, почему вопрос «что такое АФ?» не самый плодотворный. Форма вопроса уже может подразумевать, что под «АФ» предполагается какая-то метафилософия, то есть готовая система взглядов о том, какова природа и методы философии. Гораздо естественнее сказать, что в АФ *происходят* метафилософские дискуссии такого-то и такого-то рода. В момент времени *t* есть определённое количество исследователей, которых мы классифицируем как аф, и в метафилософских дискуссиях этих исследователей есть некоторая общность. Эти дискуссии связаны с убеждениями о том, как нужно делать

хорошую философию; но это именно попытки выяснить нормативные ориентиры, а не готовая система таковых.

Возьмём модель А, в которой классифицирующая категория «АФ» появляется по социальным причинам, не связанным с содержательными характеристиками. Есть Мария, Юйтун и Аиша, мы начали называть их аф, потому что они ходили в один университет вместе. Позже, из-за того, что мы воспринимали их как одну группу — общность АФ — и они действительно часто взаимодействовали друг с другом, со временем у них появились метафилософские дискуссии.

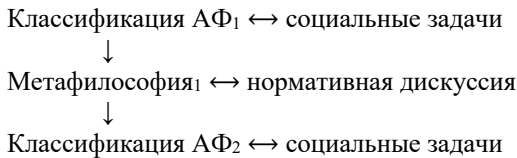

рис. 1. Модель с первичностью классификации
(classification-first)

Теперь рассмотрим инверсию В от модели А. Философы x , y , z входят в метафилософскую дискуссию — метафилософия₁, они начинают идентифицировать себя среди групп других философов с помощью классифицирующей категории АФ₁. Далее убеждения в отношении того, как делать философию, меняются на метафилософия₂ из-за социальных практик, на которые повлияла классификация АФ₁, и т. д.

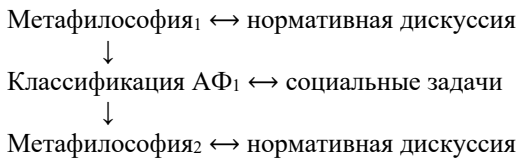

рис. 2. Модель с первичностью метафилософии
(metaphilosophy-first)

Модель *metaphilosophy-first* ближе к эссенциалистской позиции, а *classification-first* — к дефляционистской. Если подразумевать, что всё работает в общих чертах так, как описано в этих моделях, то ответ на вопрос «что такое АФ?» будет зависеть от выбора этой модели. Чтобы ответить на этот вопрос в *classification-first* модели, нужно показать, какие задачи выполняет категория «АФ» и для чего она вводится. (Об этом

я коротко говорил в начале раздела 1.) Чтобы ответить на вопрос в *metaphilosophy-first* модели, нужно показать, какого рода дискуссии приводят к появлению такой классификации. В некотором смысле это предполагает серьёзное отношение к метафилософии²¹.

С одной стороны, такая постановка вопроса может предполагать, что для ответа на дефиниционный вопрос мы должны начать метафилософскую дискуссию и выяснить, какими методами мы хотим пользоваться в будущем, какое представление о природе философии хотим иметь и каким нормативным идеалам хотим следовать. Можно получить ответ вроде «АФ — это классифицирующая категория, которую мы вводим для того, чтобы показать (или даже стипулировать), какой мы хотим видеть философию».

С другой стороны, это может предполагать ретроспективный ревизионизм: переопределение главных дискуссий АФ как метафилософских дискуссий или переопределение истории АФ как истории метафилософских дискуссий. Тогда АФ — это преемственность в метафилософских дискуссиях, которые начались с Бертрانا Рассела и Дж. Э. Мура. (Можно также утверждать, что эти дискуссии объединены

²¹ Метафилософия — это собирательное название для концептуальных (философия) и эмпирических (социология, *data science*, корпусный анализ, история философии) исследований. С одной стороны, цель таких исследований — это прояснение природы и методов философии, а также получение представлений о работе философов и жизни философского сообщества. С другой стороны, и это более важно, подобные исследования могут претендовать на поиск ориентиров и идеалов того, как должна делаться философия. Вот некоторые из центральных вопросов метафилософии:

- (1) Цель философии: знание, понимание, рефлексивное равновесие, социальная справедливость, мудрость, прояснение языка... ?
- (2) Что такое философская проблема? Каковы «большие вопросы»?
- (3) Специфика философских споров и разногласий.
- (4) Методы: интуиции, концептуальный анализ, концептуальная инженерия; экспериментальная и кабинетная философия, априорное и апостериорное обоснование в философии, натурализованная эпистемология.
- (5) Философский прогресс: большой, маленький, никакой.
- (6) Сообщество, институции, философские традиции. АКР, национальная философия, прагматизм.
- (7) Эпистемическая справедливость: расовая и гендерная дискриминация в философии, деколонизация, европоцентризм, этноцентризм.
- (8) Споры о предмете философских субдисциплин (метаэтика, метаметафизика).

Многие из этих вопросов связаны. Например, обсуждение (1)–(5) будет объединяться вопросом о соотношении философии и науки: чем философские проблемы (2), дискуссии (3), методы (4) и прогресс (5) отличаются от естественнонаучных? Серьёзное отношение к метафилософии, о котором я говорю, предполагает, что вопрос об АКР (6) также взаимосвязан с другими вопросами.

семейным сходством.) Таким образом, метафилософские дискуссии будут указывать, во-первых, на участвующих в дискуссиях, во-вторых, на тех, кто с ними взаимодействует, в-третьих, на преемственность этих дискуссий.

В это же время достаточно сложно представить АФ как метафилософскую дискуссию. Такая нормативная дискуссия предполагает определённый род универсализма. То есть это не дискуссия о том, какой должна быть АФ, а дискуссия о том, какой должна быть философия в целом. Например, представим обсуждение методов философии. Под методами могут пониматься как достаточно специфические вещи (лингвистический анализ и производные от него инструменты, натурализованная эпистемология Куайна, анализ обыденного языка, абдукция Льюиса и т. д.), так и более универсальные. Получится список вроде следующего:

- (а) концептуальный анализ;
- (б) обращение к интуициям;
- (в) аргументация;
- (г) рефлексивное равновесие;
- (д) вывод к лучшему объяснению;
- (е) формальные методы;
- (ё) экспериментальная философия;
- (ж) натурализованная эпистемология;
- (з) анализ обыденного языка;
- (и) концептуальная инженерия.

Проблема в том, что методы (а)–(г) являются тем, что может претендовать на метод философского исследования *par excellence*, и это не проясняет методологическую специфику АФ. По поводу (е)–(и) действительно можно утверждать, что они специфичны для АФ. Но, во-первых, они вряд ли будут описывать всю АФ, во-вторых, ничего не мешает КФ, — в частности, современным философам, «имеющим аналитическую подготовку», — обращаться к этим методам и размышлять при этом на темы КФ.

Преимущество рассматриваемого здесь подхода заключается в том, что нам не нужно говорить об исключительной специфичности (а)–(и) для АФ, то есть о том, что АФ определяется приверженностью методам (а)–(и). Такой ответ как раз был бы стандартным эссенциализмом. Для моего подхода нужно утверждать только то, что специфична для АФ именно дискуссия об этих методах. Таким образом, эта точка зрения сохраняет универсализм без коллапса в АФ-супрематизм.

Эссенциализм методов не способен учесть трансформации, которые происходят с методами АФ и дискуссиями вокруг методов. Предполагаемый мной взгляд представляет АФ как социальную классифицирующую категорию, которая вводится для некоторых социальных задач. Одна из задач, которую выполняет это понятие, — указание на определённого рода дискуссии о том, как делать философию.

§ 5.2. От споров о словах к практическим задачам

Приведу в пример спор о том, что такое брак (см., например, Brake, 2023). Этот спор *можно* представить как *лишь вербальный*: брак₁ — это публичное признание и правовая поддержка долгосрочного интимного союза, брак₂ — это союз между мужчиной и женщиной, ориентированный на продление рода. Право на брак₂ фундируется каноническими условиями, в которые входит половая принадлежность. Сторонники того, что брак — это брак₂, запрещают вступать в брак тем, кто не соответствует каноническим условиям. Но вряд ли те, кто не соответствует каноническим условиям, хотят вступать в союз между мужчиной и женщиной, ориентированный на продление рода.

Однако можно утверждать, что этот спор не является *лишь вербальным*. Это нормативный, ценностный и содержательный вопрос, он предполагает обращение к тому, для чего мы прибегаем к этим понятиям, для чего их используем и что мы хотим с помощью них делать. Поэтому, как я уже утверждал в § 1 и во введении, простой концептуальный анализ в данном случае не подходит: нам недостаточно прояснить значение термина и дать ему определение; мы должны перейти к мелиоративной работе. Нет объективных *ненормативных* оснований, которые мы можем выяснить в рамках анализа и которые будут обязывать нас предпочитать одно понятие брака другому: формализация заботливого союза, институт по продлению рода, контракт, регулирующий отношения, таинство, соединяющее мужа и жену по образу таинственного союза Иисуса Христа с Церковью и т. д. Мы должны сконструировать понятие брака в зависимости от того, какие практики хотим поддерживать и поощрять.

В таком же положении находится и понятие АФ. Я не хочу сказать, что АФ — многозначный термин, который употребляется в разных контекстах по-разному, поэтому мы не можем найти единое определение и нам можно обращаться с этим понятием очень либерально. Просто более важным вопросом является не вопрос концептуального анализа, а спор о том, для чего нам это понятие стоит использовать.

Например, мы можем обсуждать, что философскому сообществу следует делать с помощью этих понятий в институциональном и практическом смысле. В России использование понятия АФ позволяет увеличить интеграцию в международный контекст. Или можно говорить о том, что АФ — это «институциональная вакцина», средство улучшения научных практик в определённый период жизни философских институций.

В странах, где философия преподаётся на английском, термины АКР стали менее актуальными, точнее картина стала сложнее. Многих философов, которые занимаются КФ-предметом с помощью АФ-методов, вполне можно назвать аф. Те, кто делает исследования КФ-методами, достаточно интегрированы в нефилософские факультеты (исследование культуры, литературы, социальные науки). При этом для аф, которые находятся на других факультетах (это касается философов медицины, философов права, философов лингвистики, философов политики), позиционирование себя в терминах АКР может быть более (или менее) актуальным, чем для АФ с философских факультетов. В достаточно распространённых и популярных контекстах, где представление о философах и интеллектуалах соответствует исследованию культуры в духе КФ-методов, обращение к АКР и самоидентификация с АФ снова может быть полезна, как в некоторых случаях может быть полезно и принятие АФ-супрематизма.

Возможно, в ходе такого анализа мы придём к тому, что от терминов АКР нужно отказаться в пользу других, которые иначе будут разделять философское пространство. Сам я не считаю, что это необходимо. В качестве кандидатов в альтернативные АФ термины в разное время предлагались словосочетания вроде «научная (натуралистическая) философия», «академическая философия», «классическая философия», «англоязычная (или англо-американская, или англо-австрийская) философия». Понятны недостатки каждого из этих терминов. Например, «научная философия» просто исключает многих представителей АФ, а «классическая философия» — слишком широкое понятие, страдающее ревизионизмом и АФ-супрематизмом. Вместо АКР также можно предложить различие дисциплинарной и герменевтико-критической философии или проблемо-центричного анализа и тексто-центричного анализа. А может, стоит переименовать философский факультет в факультет концептуального анализа? Или, поскольку сегодня многие считают, что век чистого концептуального анализа закончен, заменить понятие «философия» на понятие «концептуальный анализ и экспериментальные метаисследования»? Такие решения вроде искусственного переименования Артём Юнусов (Юнусов, 2025)

называет «номенклатурной реформой». Но степень того, насколько это только поверхностное изменение, может определяться качеством концептуальной инженерии: хороший подход должен давать не простое переименование. Тем не менее здесь я хочу показать, что в рамках концептуальной инженерии мы можем прийти к обоснованию даже самых радикальных изменений.

Заключение

В этой статье я утверждал, что АФ лучше рассматривать как предмет социальной онтологии и концептуальной инженерии, а именно как социальную классифицирующую категорию или как интерактивный вид. Я старался показать, какие вопросы мы должны задавать вместо вопроса «что такое АФ?». Приведу некоторые из этих вопросов. (Ответы в скобках, конечно, не претендуют на полноту и окончательность.)

— Какие социальные задачи выполняет использование классифицирующей категории АФ? (Идентификация, институциональные решения.)

— Как изменилась категория АФ? (Границы между АФ и КФ подверглись размыванию.)

— Какой мы хотим видеть АФ в будущем? Какие задачи мы должны решать через концептуальную инженерию в отношении АКР? (Выявление нормативных ориентиров и академических стандартов; эпистемическая деколонизация, которая приводит к языковому и региональному разнообразию; расширение тематического поля АФ.)

— Через какие метафилософские дискуссии представима АФ?

Если понятие аналитической философии сохраняет для нас ценность, то мы не должны относиться к нему как к набору готовых характеристик или как к описанию исторических связей. Это понятие влияет на наши текущие и будущие практики, оно открыто для значительной ревизии. Задача уменьшения сексизма, расизма и эпистемической несправедливости, например, в физике совсем незначительно влияет (если вообще влияет) на наше представление о понятии физики. Дело обстоит иначе в случае с понятием АФ: оно не подходит для названия некоторой философии «аналитического типа» на эпистемически справедливой Земле-Двойнике, в отличие от понятий «физика» и «философия», которые прекрасно описывают дисциплины философии и физики на эпистемически

справедливой Земле-Двойнике. Это означает, что наши социальные практики оказывают большое влияние на изменение понятия АФ. Любое определение АФ оказывается не только историческим или социологическим описанием существующей дисциплины, но и утверждением о распределении эпистемического авторитета внутри философии; споря о том, что такое АФ, мы спорим о том, какую философию мы хотим делать.

Список литературы

- Васильев, В. В. (2019). Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? *Философский журнал*, 12(1), 144–158.
<https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-1-144-158>
- Логинов, Е. В. (Ред.). (2025а). *Существование Бога? Современные позиции и подходы*. Санкт-Петербург: Умозрение.
- Логинов, Е. В. (2025b). К истории аналитико-континентального разрыва. *Analytica*, 10, 1–75.
- Макеева, Л. Б. (2019). Аналитическая философия как историко-философский феномен. *Философский журнал*, 12(1), 130–143.
<https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-1-130-143>
- Маслов, Д. К. (2025). Подспудное плетение духа: размышления о сущности аналитической философии. *Analytica*, 10, 323–359.
- Нехаев, А. В. (2025). «Холивар не выдержит двоих»: о границе между аналитической и континентальной философией. *Analytica*, 10, 158–243.
- Никифоров, А. Л. (2020). Является ли «аналитическая философия» философией? *Философские науки*, 63(8), 7–21.
<https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-8-7-21>
- Фролов, К. Г. (2025). О некоторых гипотезах по поводу доктринальных различий между аналитической и континентальной философией. *Analytica*, 10, 244–263.
- Шохин, В. К. (2015). Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути. *Философский журнал | Philosophy Journal*, 8(2), 16–27.
- Шохин, В. К. (2018). Новый феномен: страсти по аналитической философии. *Философский журнал | Philosophy Journal*, 11(4), 106–114.
<https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-4-106-114>
- Шрамко, Я. В. (2007). Что такое аналитическая философия? *Эпистемология и философия науки*, 11(1), 87–110.
- Юнусов, А. Т. (2025). О трёх аналитических философиях. *Analytica*, 10, 90–140.
- Allen, R. & Smith, M. (1997). Introduction: Film Theory and Philosophy. In R. Allen & M. Smith (Eds.), *Film Theory and Philosophy* (pp. 1–35). New

- York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198159216.003.0001>.
- Beaney, M. (2013). What is Analytic Philosophy? In M. Beaney (Ed.), *The Oxford Handbook of The History of Analytic Philosophy* (pp. 3–29). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199238842.013.0039>.
- Blattner, W. D. (2023). Is There a Distinction Between Continental & Analytic Philosophy? <https://sites.google.com/a/georgetown.edu/prof-william-blattner/continental-analytic-philosophy?authuser=0>
- Bonino, G., Maffezoli, P. & Tripodi, P. (2021). Logic in Analytic Philosophy: a Quantitative Analysis. *Synthese*, 198, 10991–11028. <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02770-5>
- Brake, E. (2023). Marriage and Domestic Partnership. In E. N. Zalta & U. Nodelman (Eds.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2023 Edition)*. <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/marriage/>
- Casati, F. (2021). *Heidegger and the Contradiction of Being: An Analytic Interpretation of the Late Heidegger*. New York and London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429277924>
- Coffa, J. A. (1991). *The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139172240>
- Cohen, L. J. (1986). *The Dialogue of Reason: an Analysis of Analytical Philosophy*. New York: Oxford University Press.
- Conant, J. (2015). The Emergence of the Concept of the Analytic Tradition as a Form of Philosophical Self-Consciousness. In *Beyond the Analytic-Continental Divide* (pp. 25–66). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315766621>
- Critchley, S. (2001). *Continental Philosophy: a Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780192853592.001.0001>
- Davies, S. (2013). Analytic Philosophy and Music. In T. Gracyk & A. Kania, *The Routledge Companion to Philosophy and Music* (pp. 204–304). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203830376>
- Dummett, M. (1993). *Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Epstein, J. (2014). *Sublime Noise: Musical Culture and the Modernist Writer*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Fricker, M. (2017). *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198237907.001.0001>

- Frost-Arnold, G. (2017). The Rise of "Analytic Philosophy": When and How Did People Begin Calling Themselves "Analytic Philosophers"? In S. Lapointe & C. Pincock (Eds.), *Innovations in the History of Analytical Philosophy* (pp. 27–67). London, United Kingdom: Palgrave-Macmillan. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-40808-2>
- Garry, A. (2024). Analytic Feminism. In E. N. Zalta & U. Nodelman (Eds.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2024 Edition)* <https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/femapproach-analytic/>
- Glock, H. J. (2008). *What is Analytic Philosophy?* Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511841125>
- Glock, H. J. (2013). Book-Symposium: What is Analytical Philosophy? Introduction. *Journal for the History of Analytical Philosophy*, 2(2), 36–42. <https://doi.org/10.4148/jhap.v2i2.1949>
- Glock, H. J. (2018). The Awful English Language. *Philosophical Papers*, 47(1), 123–154. <https://doi.org/10.1080/05568641.2018.1429737>
- Hacker, P. M. S. (2013). Analytic Philosophy: What, Whence, and Whither? In P. M. S. Hacker, *Wittgenstein: Comparisons and Context* (pp. 209–242). New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199674824.003.0010>
- Hacking, I. (1999). *The Social Construction of What?* Cambridge, MA: Harvard University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1bzfp1z>
- Hallen, B. & Sodipo, J. O. (1986). *Knowledge, Belief, and Witchcraft: Analytic Experiments in African Philosophy*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Haslanger, S. (2012). What Are We Talking About? The Semantics and Politics of Social Kinds. In *Resisting Reality: Social Construction and Social Critique* (pp. 365–380). New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199892631.003.0013>
- Healy, K. (2013). A Co-Citation Network for Philosophy. <https://kieranhealy.org/blog/archives/2013/06/18/a-co-citation-network-for-philosophy/>.
- Hogenbirk, H. D. (2023). Detection of Words versus Good Old Counting: A Note on Mizrahi and Dickinson, "The Analytic-Continental Divide in Philosophical Practice". *Metaphilosophy*, 54(5), 734–745. <https://doi.org/10.1111/meta.12648>
- Huang, Y. (2022). The Dilemma of Analytic Philosophy in Chinese. *The Philosophical Forum*, 53, 175–186. <https://doi.org/10.1111/phil.12320>
- Kallens, P. C., Hicks, D. J. & Jennings, C. D. (2022). Networks in Philosophy: Social Networks and Employment in Academic Philosophy. *Metaphilosophy*, 53, 653–684. <https://doi.org/10.1111/meta.12591>
- Kreuzman, H. (2001). A Co-citation Analysis of Representative Authors in Philosophy: Examining the Relationship between Epistemologists and

- Philosophers of Science. *Scientometrics*, 50, 525–539. <https://doi.org/10.1023/A:1012778307249>
- Kuukkanen, J.-M. (2015). *Postnarrativist Philosophy of Historiography*. New York, NY: Palgrave. <https://doi.org/10.1057/9781137409874>
- Leiter, B. (2004). Introduction. In B. Leiter (Ed.), *The Future for Philosophy* (pp. 1–24). New York: Oxford University Press.
- Leiter, B. (2025). "Analytic" and "Continental" Philosophy. *Philosophical Gourmet Report*. <https://philosophicalgourmet.com/analytic-and-continental-philosophy/>
- Levy, N. (2003). Analytic and Continental Philosophy: Explaining the Differences. *Metaphilosophy*, 34, 284–304. <https://doi.org/10.1111/1467-9973.00274>
- Levy, N. (2024). *Philosophy, Bullshit, and Peer Review*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009256315>
- Maar, A. (2016). Applying D. K. Lewis's Counterfactual Theory of Causation to the Philosophy of Historiography. *Journal of the Philosophy of History*, 10(3), 349–369. <https://doi.org/10.1163/18722636-12341349>
- Mitova, V. (2021). How to Decolonise Knowledge without Too Much Relativism. In S. Khumalo (Ed.), *Decolonisation as Democratisation* (pp. 24–47). Cape Town: HSRC Press.
- Mizrahi, M. & Dickinson, M. (2021). The Analytic-Continental Divide in Philosophical Practice: An Empirical Study. *Metaphilosophy*, 52(5), 668–680. <https://doi.org/10.1111/meta.12519>
- Morag, T. (Ed.) (2023). *Sartre and Analytic Philosophy*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429455919>
- Noichl, M. (2021). Modeling the Structure of Recent Philosophy. *Synthese*, 198, 5089–5100. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02390-8>
- Overgaard, S., Gilbert, P. & Burwood, S. (2013). Analytic and Continental Philosophy. In *An Introduction to Metaphilosophy. Cambridge Introductions to Philosophy* (pp. 105–135). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139018043.006>
- Petrovich, E. (2024). *A Quantitative Portrait of Analytic Philosophy: Looking Through the Margins*. Cham: Springer Nature Switzerland. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-53200-9>
- Pérez, D. I. (2018). Languages for the Analytic Tradition. *Philosophical Papers*, 47(1), 49–69. <https://doi.org/10.1080/05568641.2018.1429738>
- Preston, A. (2004). Prolegomena to Any Future History of Analytic Philosophy. *Metaphilosophy*, 35, 445–465. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.2004.00330.x>
- Preston, A. (2007). *Analytic Philosophy: the History of an Illusion*. New York: Continuum.

- Rodriguez-Pereyra, G. (2013). The Language of Publication of "Analytic" Philosophy. *Critica*, 45(133), 83–90.
<https://doi.org/10.22201/iifs.18704905e.2013.718>
- Schrift, A. D. (Ed.) (2010). *The History of Continental Philosophy*. London: Routledge.
- Schuringa, C. (2025). *A Social History of Analytic Philosophy: How Politics Has Shaped an Apolitical Philosophy*. New York, NY: Verso.
- Searle, J. (1995). *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.
- Soames, S. (2003). *Philosophical Analysis in the Twentieth Century, vol. 1: The Dawn of Analysis*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
<https://doi.org/10.1515/9781400825790>
- Stevens, G. (2013). Analytic Philosophy as Philosophy. *Journal for the History of Analytical Philosophy* 2(2), 28–34.
- Toadvine, T. (2012). Introduction: Continental Philosophy: What and Where Will It Be? *Southern Journal of Philosophy*, 50(2), 171–179.
<https://doi.org/10.1111/j.2041-6962.2012.00107.x>
- Tobi, A. T. (2020). Towards A Plausible Account of Epistemic Decolonisation. *Philosophical Papers*, 49(2), 253–278.
<https://doi.org/10.1080/05568641.2020.1779602>
- Tucker, A. (2012). Sciences of Historical Tokens and Theoretical Types: History and the Social Sciences. In H. Kincaid (Ed.), *The Oxford Handbook of Philosophy of Social Science* (pp. 274–297). Oxford: Oxford University Press.
<https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195392753.013.0012>
- Tucker, A. (2025). *Historiographic Reasoning. (Elements in Historical Theory and Practice)*. Cambridge: Cambridge University Press.
<https://doi.org/10.1017/9781009324489>
- West, D. (2010). *Continental Philosophy: An Introduction*. Cambridge: Polity.
- Westerhoff, J. (2017). Nāgārjuna on Emptiness: A Comprehensive Critique of Foundationalism. In J. Ganeri (Ed.), *The Oxford Handbook of Indian Philosophy* (pp. 94–109). New York: Oxford University Press.
<https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199314621.013.7>
- Williams, B. (1985). *Ethics and the Limits of Philosophy*. London: Fontana.
- Williamson, T. (2007). *The Philosophy of Philosophy*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
<https://doi.org/10.1002/9780470696675>
- Wiredu, K. (1992). African Philosophical Tradition: a Case Study of the Akan. *Philosophical Forum*, 24, 35–62. Reprinted in J. Pittman (Ed.). (1996). *African-American Perspectives and Philosophical Traditions* (pp. 35–62). New York and London: Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9780203827710>

Wiredu, K. (2002). Conceptual Decolonization as an Imperative in Contemporary African Philosophy: Some Personal Reflections. *Rue Descartes*, 36, 53–64. <https://doi.org/10.3917/rdes.036.0053>

Yi, J. & Bai, T. (2010). Studies in Analytic Philosophy in China. *Synthese*, 175(1), 3–12. <https://doi.org/10.1007/s11229-009-9534-8>

Информация об авторе: Черкасов Георгий Владиславович, младший научный сотрудник, Институт философии РАН, сектор теории познания, г. Москва; аспирант школы философских наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», gech.cherkasov@gmail.com.

Поступила в редакцию: 27 сентября 2025 г.

Принята к публикации: 21 октября 2025 г.

Опубликована: 28 декабря 2025 г.

Georgii V. Cherkasov

Analytic Philosophy, an Interactive Kind: A User Manual (Warning: May Not Work)

Abstract. I argue that analytic (AP) and continental (CP) philosophy are best understood as social classification categories that structure social practices (such as identification, institutional decision-making, and the formation of academic norms). These practices, in turn, feed back into and reshape the classifications themselves. Examples include the loosening of the boundaries between AP and CP, moves toward epistemic decolonization, and the increasing thematic diversity of AP. I further argue that we should pursue conceptual engineering with an ameliorative aim, rather than a conceptual analysis of AP along the familiar lines of the standard debate — definition, ties of historical influence, family resemblance. I propose two models. On the *classification-first* model, the question "What is AP?" is reinterpreted as "For what social purposes do we use the label 'AP'?". On the *metaphilosophy-first* model, AP is not treated as a fixed package of methods and normative ideals, but as an ongoing debate about methods and ideals. In the empirical part of the paper, I offer a synthetic review of existing quantitative studies and argue that (1) AP is more argumentative than CP; (2) CP is not more fragmented or heterogeneous than AP; and (3) most work in AP is done without logic. In the survey part, I classify positions in the standard debate as descriptive essentialism, normative essentialism, historical-sociological deflationism, and family-resemblance deflationism. I also discuss AP-supremacism, revisionism, and views of AP as a political project, as normal science, as an illusion, and as a psychoanalytic imaginary.

Keywords: analytic-continental divide, metaphilosophy, conceptual engineering, epistemic decolonisation, essentialism, deflationism, family resemblance.

Citation: Cherkasov, G. V. (2025). Analytic Philosophy, an Interactive Kind: A User Manual (Warning: May Not Work). *Analytica*, 10, 264–322.

References

Allen, R. & Smith, M. (1997). Introduction: Film Theory and Philosophy. In R. Allen & M. Smith (Eds.), *Film Theory and Philosophy* (pp. 1–35). New

- York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198159216.003.0001>.
- Beaney, M. (2013). What is Analytic Philosophy? In M. Beaney (Ed.), *The Oxford Handbook of The History of Analytic Philosophy* (pp. 3–29). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199238842.013.0039>.
- Blattner, W. D. (2023). Is There a Distinction Between Continental & Analytic Philosophy? <https://sites.google.com/a/georgetown.edu/prof-william-blattner/continental-analytic-philosophy?authuser=0>
- Bonino, G., Maffezzioli, P. & Tripodi, P. (2021). Logic in analytic philosophy: a quantitative analysis. *Synthese*, 198, 10991–11028. <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02770-5>
- Brake, E. (2023) Marriage and Domestic Partnership. In E. N. Zalta & U. Nodelman (Eds.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2023 Edition)*. <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/marriage/>.
- Casati, F. (2021). *Heidegger and the Contradiction of Being: An Analytic Interpretation of the Late Heidegger*. New York and London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429277924>
- Coffa, J. A. (1991). *The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139172240>
- Cohen, L. J. (1986). *The dialogue of reason: an analysis of analytical philosophy*. New York: Oxford University Press.
- Conant, J. (2015). The Emergence of the Concept of the Analytic Tradition as a Form of Philosophical Self-Consciousness. In *Beyond the Analytic-Continental Divide* (pp. 25–66). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315766621>
- Critchley, S. (2001). *Continental philosophy: a very short introduction*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780192853592.001.0001>
- Davies, S. (2013). Analytic philosophy and music. In T. Gracyk & A. Kania, *The Routledge Companion to Philosophy and Music* (pp. 204–304). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203830376>
- Dummett, M. (1993). *Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Epstein, J. (2014). *Sublime Noise: Musical Culture and the Modernist Writer*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Fricker, M. (2017). *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198237907.001.0001>

- Frolov, K. (2025). O nekotorykh gipotezakh po povodu doktrinal'nykh razlichii mezhdu analiticheskoi i kontinental'noi filosofiei [On Some Hypotheses Regarding Doctrinal Differences between Analytic and Continental Philosophy]. *Analytica*, 10, 244–263. (in Russian).
- Frost-Arnold, G. (2017). The Rise of "Analytic Philosophy": When and How Did People Begin Calling Themselves "Analytic Philosophers"? In S. Lapointe & C. Pincock (Eds.), *Innovations in the History of Analytical Philosophy* (pp. 27–67). London, United Kingdom: Palgrave-Macmillan. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-40808-2>
- Garry, A. (2024). Analytic Feminism. In E. N. Zalta & U. Nodelman (Eds.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2024 Edition)* <https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/femapproach-analytic/>
- Glock, H. J. (2008). *What is Analytic Philosophy?* Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511841125>
- Glock, H. J. (2013). Book-Symposium: What is Analytical Philosophy? Introduction. *Journal for the History of Analytical Philosophy*, 2(2), 36–42. <https://doi.org/10.4148/jhap.v2i2.1949>
- Glock, H. J. (2018). The awful English language. *Philosophical Papers*, 47(1), 123–154. <https://doi.org/10.1080/05568641.2018.1429737>
- Hacker, P. M. S. (2013). Analytic Philosophy: What, Whence, and Whither? In P. M. S. Hacker, *Wittgenstein: Comparisons and Context* (pp. 209–242). New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199674824.003.0010>
- Hacking, I. (1999). *The Social Construction of What?* Cambridge, MA: Harvard University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1bzfplz>
- Hallen, B. & Sodipo, J. O. (1986). *Knowledge, belief, and witchcraft: analytic experiments in African philosophy*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Haslanger, S. (2012). What Are We Talking About? The Semantics and Politics of Social Kinds. In *Resisting Reality: Social Construction and Social Critique* (pp. 365–380). New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199892631.003.0013>
- Healy, K. (2013). A Co-Citation Network for Philosophy. <https://kieranhealy.org/blog/archives/2013/06/18/a-co-citation-network-for-philosophy/>
- Hogenbirk, H. D. (2023). Detection of words versus good old counting: A note on Mizrahi and Dickinson, "The analytic-continental divide in philosophical practice". *Metaphilosophy*, 54(5), 734–745. <https://doi.org/10.1111/meta.12648>
- Huang, Y. (2022). The dilemma of analytic philosophy in Chinese. *The Philosophical Forum*, 53, 175–186. <https://doi.org/10.1111/phil.12320>

- Iunusov, A. T. O trekh analiticheskikh filosofiakh [On the Three Analytic Philosophies]. *Analytica*, 10, 90–140. (in Russian).
- Kallens, P. C., Hicks, D. J. & Jennings, C. D. (2022). Networks in philosophy: Social networks and employment in academic philosophy. *Metaphilosophy*, 53, 653–684. <https://doi.org/10.1111/meta.12591>
- Kreuzman, H. (2001). A co-citation analysis of representative authors in philosophy: Examining the relationship between epistemologists and philosophers of science. *Scientometrics*, 50, 525–539. <https://doi.org/10.1023/A:1012778307249>
- Kuukkanen, J.-M. (2015). *Postnarrativist Philosophy of Historiography*. New York, NY: Palgrave. <https://doi.org/10.1057/9781137409874>
- Leiter, B. (2004). Introduction. In B. Leiter (Ed.), *The Future for Philosophy* (pp. 1–24). New York: Oxford University Press.
- Leiter, B. (2025). "Analytic" and "Continental" Philosophy. *Philosophical Gourmet Report*. <https://philosophicalgourmet.com/analytic-and-continental-philosophy/>
- Levy, N. (2003). Analytic and Continental Philosophy: Explaining the Differences. *Metaphilosophy*, 34, 284–304. <https://doi.org/10.1111/1467-9973.00274>
- Levy, N. (2024). *Philosophy, Bullshit, and Peer Review*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009256315>
- Loginov, E. V. (Ed.). (2025a). *Sushchestvovanie Boga? Sovremennye pozitsii i podkhody* [The Existence of God? Contemporary Positions and Approaches]. Saint-Petersburg: Umozrenie. (in Russian).
- Loginov, E. V. (2025b). K istorii analitiko-kontinental'nogo razryva [Towards a History of the Analytic-Continental Divide]. *Analytica*, 10, 1–75. (in Russian).
- Maar, A. (2016). Applying D. K. Lewis's Counterfactual Theory of Causation to the Philosophy of Historiography. *Journal of the Philosophy of History*, 10(3), 349–369. <https://doi.org/10.1163/18722636-12341349>
- Makeeva, L. B. (2019). Analiticheskaya filosofiya kak istoriko-filosofskii fenomen [Analytical Philosophy as a Historical-Philosophical Phenomenon]. *Filosofskii zhurnal | Philosophy Journal*, 12(1), 130–143. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-1-130-143>
- Maslov, D. (2025). Podspudnoe pletenie dukha: razmysleniia o sushchnosti analiticheskoi filosofii [The Dull Weaving of Spirit: Reflections on the Nature of Analytic Philosophy]. *Analytica*, 10, 323–359. (in Russian).
- Mitova, V. (2021). How to Decolonise Knowledge without Too Much Relativism. In S. Khumalo (Ed.), *Decolonisation as Democratisation* (pp. 24–47). Cape Town: HSRC Press.

- Mizrahi, M. & Dickinson, M. (2021). The analytic-continental divide in philosophical practice: An empirical study. *Metaphilosophy*, 52(5), 668–680. <https://doi.org/10.1111/meta.12519>
- Morag, T. (Ed.). (2023). *Sartre and Analytic Philosophy*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429455919>
- Nekhaev, A. (2025). "Kholivar ne vyderzhit dvoikh": o granitse mezhdu analiticheskoi i kontinental'noi filosofiei "Holy War Can't Carry Double": On the Border Between Analytical and Continental Philosophy. *Analytica*, 10, 158–243. (in Russian).
- Nikiforov, A. L. (2020). Iavliaetsia li "analiticheskaja filosofija" filosofiei? [Is "Analytic Philosophy" a Philosophy?]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 63(8), 7–21. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-8-7-21>
- Noichl, M. (2021). Modeling the structure of recent philosophy. *Synthese*, 198, 5089–5100. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02390-8>
- Overgaard, S., Gilbert, P. & Burwood, S. (2013). Analytic and Continental Philosophy. In *An Introduction to Metaphilosophy. Cambridge Introductions to Philosophy* (pp. 105–135). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139018043.006>
- Petrovich, E. (2024). *A Quantitative Portrait of Analytic Philosophy: Looking Through the Margins*. Cham: Springer Nature Switzerland. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-53200-9>
- Pérez, D. I. (2018). Languages for the analytic tradition. *Philosophical Papers*, 47(1), 49–69. <https://doi.org/10.1080/05568641.2018.1429738>
- Preston, A. (2004). Prolegomena to any Future History of Analytic Philosophy. *Metaphilosophy*, 35, 445–465. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.2004.00330.x>
- Preston, A. (2007). *Analytic philosophy: the history of an illusion*. New York: Continuum.
- Rodriguez-Pereyra, G. (2013). The language of publication of "analytic" philosophy. *Critica*, 45(133), 83–90. <https://doi.org/10.22201/iifs.18704905e.2013.718>
- Schrift, A. D. (Ed.). (2010). *The History of Continental Philosophy*. London: Routledge.
- Schuringa, C. (2025). *A social history of analytic philosophy: how politics has shaped an apolitical philosophy*. New York, NY: Verso.
- Shokhin, V. K. (2015). Analiticheskaja filosofija: nekotorye neprotorennye puti [Analytical Philosophy: Some Unbeaten Tracks]. *Filosofskii zhurnal | Philosophy Journal*, 8(2), 16–27. (in Russian).
- Shokhin, V. K. (2018). Novyi fenomen: strasti po analiticheskoi filosofii [A New Phenomenon: Emotions Run High for Analytic Philosophy]. *Filosofskii*

- zhurnal* | *Philosophy Journal*, 11(4), 106–114. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-4-106-114>
- Shramko, Y. V. (2007). Chto takoe analiticheskaya filosofiya? [What is Analytic Philosophy?]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 11(1), 87–110. (in Russian).
- Searle, J. (1995). *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.
- Soames, S. (2003). *Philosophical Analysis in the Twentieth Century, vol. 1: The Dawn of Analysis*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400825790>
- Stevens, G. (2013). Analytic Philosophy as Philosophy. *Journal for the History of Analytical Philosophy*, 2(2), 28–34.
- Toadvine, T. (2012). Introduction: Continental Philosophy: What and Where Will It Be? *Southern Journal of Philosophy*, 50(2), 171–179. <https://doi.org/10.1111/j.2041-6962.2012.00107.x>
- Tobi, A. T. (2020). Towards A Plausible Account of Epistemic Decolonisation. *Philosophical Papers*, 49(2), 253–278. <https://doi.org/10.1080/05568641.2020.1779602>
- Tucker, A. (2012). Sciences of historical tokens and theoretical types: history and the social sciences. In H. Kincaid (Ed.), *The Oxford Handbook of Philosophy of Social Science* (pp. 274–297). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195392753.013.0012>
- Tucker, A. (2025). *Historiographic Reasoning. (Elements in Historical Theory and Practice)*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009324489>
- Vasilyev, V. V. (2019). Chto takoe analiticheskaya filosofiya i pochemu vazhen etot vopros? [What Is Analytic Philosophy, and Why Is It Important to Ask?]. *Filosofskii zhurnal* | *Philosophy Journal*, 12(1), 144–158. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-1-144-158>
- West, D. (2010). *Continental Philosophy: An Introduction*. Cambridge: Polity.
- Westerhoff, J. (2017). Nāgārjuna on Emptiness: A Comprehensive Critique of Foundationalism. In J. Ganeri (Ed.), *The Oxford Handbook of Indian Philosophy* (pp. 94–109). New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199314621.013.7>
- Williams, B. (1985). *Ethics and the Limits of Philosophy*. London: Fontana.
- Williamson, T. (2007). *The Philosophy of Philosophy*. Malden, MA: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9780470696675>
- Wiredu, K. (1992). African philosophical tradition: a case study of the Akan. *Philosophical Forum*, 24, 35–62. Reprinted in J. Pittman (Ed.). (1996). *African-American Perspectives and Philosophical Traditions* (pp. 35–62). New York and London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203827710>

Wiredu, K. (2002). Conceptual decolonization as an imperative in contemporary African philosophy: some personal reflections. *Rue Descartes*, 36, 53–64. <https://doi.org/10.3917/rdes.036.0053>

Yi, J. & Bai, T. (2010). Studies in Analytic Philosophy in China. *Synthese*, 175(1), 3–12. <https://doi.org/10.1007/s11229-009-9534-8>

Author's information: Georgii V. Cherkasov, Junior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow; PhD student, Doctoral School of Philosophy, HSE University, gech.cherkasov@gmail.com.

Received: 27 September 2025

Accepted: 21 October 2025

Published: 28 December 2025